

18+

ТИХИЕ ШАГИ ЛЮБВИ

ANN AVAROUZ

цикл книг "за серой кирпичной стеной"

Ann Avarouz

Тихие шаги любви

«Издательские решения»

Avarouz A.

Тихие шаги любви / А. Avarouz — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987638-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Маша Сироткина — сирота. Всю жизнь росла в интернате. Григорий Соболев — сын успешных и богатых родителей. Слишком противоположные, чтобы в иных условиях даже просто обратить друг на друга внимание. Но бабушка Гриши волею судьбы попадает в районную больницу, где встречает Машу. С первых минут знакомства Маша и Гриша не нравятся друг другу. Но возможно ли, что со временем всё изменится?

ISBN 978-5-44-987638-6

© Avarouz A.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	12
Маша	12
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	45
Гриша	45
Маша	48
Гриша	51
Глава 6	56
Маша	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тихие шаги любви

Ann Avarouz

© Ann Avarouz, 2020

ISBN 978-5-4498-7638-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мы с ребятами сидим в Макдоналдс; я и трое моих близких друзей. За столом не смолкает смех, Витя и Глеб сыпят остротами на каждую проходящую мимо цыпочку, не жалея пошлятины. Павел молча ухмыляется, бросая на тёлок оценивающий взгляд. Впрочем, я ему в этом не уступаю.

– О, смотрите, какая крошка! – восклицает Витек. – Блин, я б ей вдул.

«Крошка» слышит эту громкую реплику, как и все прочие до этого – мы не скрываемся – оглядывается нервно и поспешно отворачивается, решая для себя, что с нами лучше не связываться.

– Да ну, у неё жопа никакая... А ты на эту, на эту посмотри! – и парни «зависают» взглядом на аппетитной попке стройной блондинке.

– Ага, накаченная – то, что надо! – соглашается Витёк.

Пашка довольно хмыкает – ему попка тоже понравилась. Подозреваю, мысленно он уже раздел девушку и приступил к непотребствам. Каким, понятия не имею, об этом лучше у него спросить.

Посетители Макдака нервно косятся в нашу сторону уже минут сорок. Переводят озадаченный взгляд с сотрудников на охрану, недоумевают, почему нас до сих пор не выгнали? Персонал же старательно делает вид, что нашего столика вообще не существует.

Нас четверо, мы сидим по центру зала у окна, поедаем гамбургеры и картошку, запивая Колой. Трапеза так себе, но другой-то тут нет. Как я уже говорил, мы громко обсуждаем цыпочек, нервируя не только девушек, но и их парней. Думаю, они с удовольствием бы нам навалили, но не могут и очень страдают от этого.

За нашими спинами стоят четверо охранников. Высокие крепкие парни, похожие друг на друга, как капли воды, одетые, несмотря на адскую жару, в чёрные пиджаки. У каждого надет наушник, соединённый с переговорным устройством, а на поясе из-под полы выглядывает кобура. Ну да, отец нанимает охранников с лицензией.

– Гриш, смотри, эта цыпа на тебя запала! – гогочет Глеб.

Я поворачиваю голову в указанном направлении и встречаю игривый взгляд васильковых глаз, подкреплённый улыбкой.

– Точно, запала, – довольно усмехаюсь я и расслабленно откидываюсь на спинку стула. Разглядываю девушку, раздумывая, пригласить её к нам в компанию или нет.

Не дурна. Рыжие распущенные волосы, синие глаза, мягкие губы, сложенные в зовущую улыбку, третий размер груди, округлые бёдра. В постели, наверно, ничего.

Пригласить девушку не является проблемой. Когда в прошлом году мне исполнилось пятнадцать, отец сделал подарок – собственная квартира в центре города. Хоромы что надо: сто двадцать квадратных метров, разделённых на несколько комнат. Спальня, кухня-гостиная, джакузи и зона для игры в бильярд.

Несмотря на благоустроенность, я не спешил перебираться окончательно. Причина проста: быт. В родительском доме имеются слуги. К моей квартире обслуживающий персонал не прилагается и все бытовые функции мне приходится выполнять самому. Хотя... Я вру, не мне, а моим девушкам. Я использую квартиру исключительно для секса и гулянок с друзьями, взамен прошу уборку. С готовкой проблем нет, девушки просто из кожи вон лезут, лишь бы мне понравится. Видимо, они где-то наслушались, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

Мои девчонки всегда старше меня. Кто-то может подумать, что я слишком мал для секса? Но уверяю вас, не возраст имеет значение, а та штучка между ног, что дарит девушкам удовольствие. Кстати, мой отец считает так же. Вручая мне ключи от квартиры, он прямо так и сказал, что мой член довольно взрослый, чтобы пуститься в «приключения». Цинично, зато правдиво. Шокированы? У отца есть девиз: подвернулся шанс – не думай, бери то, что судьба даёт. Не можешь, свали нахрен и уступи дорогу более сильным. Мой отец – один из сильнейших бизнесменов страны. Сеть гостиниц в крупнейших городах мира, своё модельное агентство, сотрудничающее с именитыми брендами. Денег – чёртова прорва и все он заработал сам. Как понимаете, такому человеку не до ложных моральных ценностей. Папа всегда хватал, едва этот шанс забрезжит на горизонте.

Пока я размышлял, девушка вильнула хвостом и скрылась на улице. Да и хрен с ней, найду другую тёлку. Дорогие шмотки, работа стилиста, благодаря чему я выгляжу старше своего возраста, уверенность в себе, потрясающе красивая внешность – от тёлочек отбоя нет. Единственное наставление отца – это использовать презики и быть осмотрительнее, дабы не подцепить всякую гадость – я успешно выполняю уже ровно год.

Ах да. Мы собрались сегодня не без повода. Мне исполнилось шестнадцать. Не самый лучший мой день рождения, если учесть, что я... Гм... Наказан.

А всё из-за бесящей классухи, гримзе неопределённого возраста и пола. Она уже достала своими жалобами! Теперь она взяла моду следить за нашей компанией посредством одноклассников. Вот стерва!

На прошлой неделе мы слегка... перебрали. Прямо в школе! Было весело; дабы не палиться, распивали алкоголь в туалете. Не то чтобы нам нравится спиртное – гадость та ещё – но вот азарт от нарушения запретов и порядков – ни с чем не сравнимое удовольствие! Адреналин так и бушует в крови!

Но всему веселью пришёл конец и нас кто-то сдал. Самое обидное, выявить стукача не удалось. Именно в этом туалете в тот день народу была «чёртова туча». Подозреваю, неспроста. Классуха пришла в негодование и посадила нас под замок в кабинете, изъяв спиртное, до прихода спешно вызванных родителей.

То, что у нас отняли бухло не страшно – в принципе, так и должно быть, раз мы спалились. Даже то, что нас посадили под замок, объяснимо и можно пережить. Но вот зачем она

родителей вызвала? Наши отцы – не какая-то там лапша, накрутил и съел. Это серьёзные люди, которых отвлекать от работы нельзя ни в коем случае! Отец Глеба, кстати, так и не пришёл. Повезло, я считаю, парню – родаки были где-то в Греции и классуха до них даже не дозвонилась.

Но это мы узнали потом. А в тот момент, когда сидели в долбанном кабинете и ожидали прихода родителей, уже понимали, что наказания не избежать. И не за то, что дебоширили – как раз на это наши отцы закрывают глаза, считая, что возраст у нас такой – трудный. А за то, что довели дебош до состояния, когда потребовалось вызвать родителей! Короче, мой отец сильно огорчился, когда понял, что без него вопрос не решить.

Отец Витька – мэр нашего города. У него карьера, он должен быть осмотрителен и помнить о рейтинге двадцать четыре часа в сутки. Нет, он, конечно, даже близко не святой, но тёмные дела проворачивает в темноте – по его же утверждению. И тут вдруг пьяный сын в школе! Пятно позора, как вы понимаете. Влетело Витьку тогда.

Отец Пашки – друг отца Вити. Он там тоже заседает в каких-то депутатах. Его не столь заботит позор личный, не такая уж он заметная фигура, чтобы париться по ерунде, кто там что подумает, сколь тень, отброшенная на мэра, потому что глава города должен быть безупречен. Но, пожалуй, Пашке влетело меньше всех.

В общем, смиренно ожидать своей участи – не про нас. Сначала, будто случайно, мы посшибали стулья на пол. Пара из них развалилась, остальные выжили. Интересный, кстати, эксперимент: оказывается, несмотря на огромную стоимость обучения в нашей школе, мебель не самого лучшего качества.

Потом Витек попробовал свои силы на указке. Выяснилось, что он сильнее, чем эта тыкательная палка. А дальше нас просто понесло. Разрушать оказалось весело и под дружный смех мы крепко взялись за дело. Через сорок минут класс валялся в руинах. Целого не осталось ничего: с парт содраны столешницы и разбиты в щепы, стулья удачно летали в стены, сшибая картины, шторы, выбивая стёкла и оставляя в штукатурке пробоины. Стулья не выжили. Доска треснула и грохнулась на пол. Учительский стол...

О, к его разрушению мы подошли с особым удовольствием! Начали с того, что превратили в крошку все имеющиеся журналы и тетради. Повытаскивали ящики, запуская их по классу, а потом перевернули стол и как следует попинали его. К завершению нашей мести от стола остались лишь щепки.

Нам, конечно, влетело, а родакам пришлось раскошелиться. Но наказание меркло в сравнении с удовольствием видеть рожу классухи, когда она зашла в свой кабинет. Глаза вылезли из-под очков, челюсть едва не выскочила наружу, руки тряслись, ещё и голос пропал! Да её там чуть удар не хватил!

Так вот, о наказании. Алкоголь для меня теперь под запретом до окончания семестра. И даже день рождения – не повод снимать наказание, сказал мой отец. Поэтому мы сидим в Макдаке и употребляем колу. Ведём себя, конечно, вызывающе. Ну так и не стоило загонять меня и моих друзей в этот лягушатник! Охранники всё потом отцу донесут, на это и расчёт. Должен же понимать, что я уже не маленький.

Несмотря на запрет, алкоголь у нас будет. Пашка ещё вчера подсуетился и закупил несколько ящиков пива. Вдвоём с Глебом они отбуксировали бухло на квартиру и припрятали в шкаф. Не то чтобы отец жильё проверял – у нас договорённость, это моя территория, на ней я делаю что угодно. Но всё же, на всякий случай. Так что после завершения спектакля здесь я устраиваю вечеринку. Нормальную такую, с музыкой, бухлом и тёлками. Оттянемся по полной.

– Эй, Гриша, чего подвис? – толкает меня в плечо Глеб. – Не грусти, похрусти мороженой!

– Нормально всё, – отвечаю я. – А кстати может и правда, по мороженому? Вспомним вкус детства?

Парни изумлённо уставились на меня.

– Ну ты скажешь тоже, – качает головой Витька.

– Слушайте, а мне нравится идея! – усмехается Пашка.

– Ну, давайте, ребята, соглашайтесь, – дожимаю я Витьку и Глеба.

– Ага, а потом пи... – Витёк вовремя прикусывает себе язык и кашляет, словно подавился. – Пить много будем. – Хмуρο добавляет он.

Всё, конечно, поняли, что он имел в виду. Типа, пиво с мороженым не мешают. Но до пива ещё пара часов, которые нам волей-неволей придётся провести тут, раз я наказан.

– Сладкое – несолёное! – наставительно изрекаю я и оборачиваюсь к стоящему за спиной охраннику. Велю принести нам четыре «Макфлури» и даю денег. Секьюрити покорно уходит в очередь, а мы продолжаем веселиться.

В какой-то момент я чувствую лёгкую щекотку в районе плеча. Странное такое ощущение, будто кто-то пёрышком проводит. Удивлённо поворачиваю голову, так как знаю, что там никого нет – я сижу рядом с окном. За стеклом стоит девочка, лет десяти, не больше. Длинные каштановые волосы спутаны и кое-как перехвачены резинкой. На худое тело надета половая тряпка, когда-то давно бывшая белой футболкой, теперь же растянутая и посеревшая от частых стирок. Тонкие ноги-палочки прикрыты шортами, истинный цвет которых не установит ни одна экспертиза. Босые грязные ступни. Чумазное худенькое личико, на котором выделяются огромные зелёные глаза, с вожделием смотрящие на мой недоеденный гамбургер.

Я сглатываю вмиг образовавшуюся вязкую слюну. От вида этой девочки чувствую неловкость. Я кошусь на парней, пытаюсь понять, как они отреагировали на чудо за окном. Но друзья её даже не заметили, смотрели в противоположную сторону и продолжали гоготать. Я снова перевожу взгляд на девчонку и вдруг упираюсь в её большие распахнутые глазищи, чувствуя, как от испуга сердце делает кульбит. Она смотрит на меня не по-детски взрослым взглядом, полным презрения и осуждения. В первую секунду я злюсь, так как она ничего обо мне не знает, чтобы осуждать, но уже в следующую мне делается нехорошо. Мне почему-то становится стыдно, словно я что-то украл у этой девчонки. На короткий миг я смотрю на нашу компанию, будто со стороны, и вижу четырёх придурков, зажавшихся родительским богатством, ленивых, бестолковых, не способных позаботиться даже о себе, а только мотающих окружаю-

щим нервы. Я с изумлением чувствую, как начинают гореть мои щёки. На этот короткий миг я сам себе становлюсь противен. Мне вдруг хочется вскочить и убежать отсюда, как можно дальше, начать жизнь с чистого листа, перестать дебоширить, наконец, взяться, что называется, за ум. Никогда в жизни мне не было стыдно за себя. И теперь я обнаружил, что чувство это крайне неприятно.

Вернулся охранник с мороженым. Под громкое улюлюканье и шутки парни приняли угощение, передавая стаканчик и мне.

– Эй, Гриш, ну чего-то ты совсем скис. Ты случаем не заболел? Весь горишь! – забеспокоился Глеб.

Друзья уставились на меня с волнением.

– Ребят, всё нормально, – натянуто улыбаюсь я, пытаюсь замаскировать свои чувства.

– Точно, всё гуд? – не верит Глеб.

– Да точно, точно! Всё гуд, – твёрдо говорю я.

Друзья отвлекли, и наваждение спало. Я расслабленно улыбаюсь, приходя в себя. Обращиваюсь к окну, чтобы убедиться, что девчонка самая что ни на есть обычная попрошайка. Но её уже и след простыл. Словно привиделась мне.

– Блин, в эти гамбургеры наркоты не подсовывают? – с подозрением смотрю на недоенный бутерброд.

Хоть мы и дебоширы, но травка и наркота – не для нас. Мы вообще против, алкоголь – это так, развлекуха. А с наркотой шутки плохи.

– Да вроде нет. А чего? – спрашивает Витька. Пашка и Глеб возвращают ко мне встревоженные взгляды.

– Мерещится какая-то ерунда, – говорю я так, будто это ничего не значит. Ну, мерещится и мерещится, бывает.

– Эй, ты там поосторожней с этим делом, – неловко вставляет Пашка. Говорить он не мастак, да ему и не нужно. – Если отравился, может в больницу?

В больницу я точно не хотел, да и вряд ли отравился.

– Да не ребят, уже отпустило, – успокаиваю я их.

Они ещё некоторое время смотрят на меня с сомнением, но вскоре убеждаются, что со мной всё хорошо и перестают беспокоиться.

Я бросаю последний взгляд за стекло, ищу глазами девочку среди толпы. Но, конечно, не нахожу. «Надо было хоть картошки купить» – запоздало думаю я. И отворачиваюсь. Не сообщ-

разил, что ж теперь, не убиваться же. Купит кто-нибудь другой. Да и вообще, лето, с голода не умрёт.

Глава 1

Пять лет спустя

Маша

Я проснулась от резкой боли. Пытаюсь осторожно сделать вдох. Воздух поступает рваными толчками, но так до конца и не наполняет лёгкое. Дышать больно.

Кое-как принаравливаюсь делать маленькие вдохи. Боль не проходит полностью, но слегка отпускает. Зато появляется другая боль – под правым глазом, мгновенно напоминающая ночные события. Осторожно открываю веки, но смотреть получается только одним, левым глазом. Правый видит мир через маленькую щёлочку расплывчато.

Надо мной белый потолок. В полутора метрах от меня – зеленая стена. Обшарпанная, как и полагается стене больницы. Интересно, кто врача вызвал? Неужели, у кого-то из девочек совесть появилась? Или дежурная проснулась? Оба варианта сомнительны, а между тем я в больнице.

Со стороны изголовья, но несколько дальше по коридору хлопает дверь и мужской голос бодро произносит:

– Не волнуйтесь! С вашей бабушкой всё будет хорошо! Поправится, вот увидите.

Другой мужской голос, звучащий моложе и произносящий слова идеально правильно и твёрдо, с беспокойством спрашивает:

– И всё же, возможно ли перевезти бабушку в платную клинику?

Секундная пауза и первый голос отвечает, маскируя недовольство сомнением:

– Попробовать можно. Но я не рекомендую. Есть ряд технических сложностей, которые не решить при перевозке. Оставить вашу бабушку без растяжки даже на день – это вредить ей. Пусть наша больница районная и бесплатная, но всё необходимое для лечения бабушки у нас имеется, а квалификация специалистов не уступает врачам платного учреждения. Даже, я бы сказал, во многом превосходит, просто потому что поток больных у нас больше.

Второй собеседник, по-видимому, пропустил мимо ушей хвалебную оду местной больнице, сконцентрировавшись на главном:

– Что именно необходимо для перевозки? – жёстко спросил он, давая первому собеседнику понять, что спорить не стоит.

Скорее всего, мужчина рано или поздно на своём настоял, если бы внезапно не раздался из палаты, возле которой они неосмотрительно затеяли спор, сильный командный голос, явно принадлежащий женщине в возрасте:

– Гриша! Я не хочу никуда переезжать! Меня всё устраивает!

Секунду мужчины молчали, а потом дверь открылась и уже приглушённый палатой голос Гриши мягко возразил:

– Бабушка, но здесь даже питания нормального нет!

Бабушка, судя по всему, была из военных – такой мощный голос и притом не терпящий возражений, воспитывается только там:

– Ты забываешь, что я начинала с низов! Я знакома с этим уровнем жизни и не считаю зазорным есть местные блюда. Питательная ценность геркулеса одинакова, что в дорогой больнице, что в этой. Остальное ты мне принесешь!

Ещё через секунду дверь повторно закрылась, а по коридору в направлении меня раздались две пары шагов: первый идущий, несмотря на быстрое перемещение, шаг печатал, словно на параде, стук его каблуков гулким эхом разносился по коридору; второй шёл так, будто старался подстроиться под первого, отчего шаги получались несколько семенящими.

Через пару секунд мимо меня пронёсся высокий парень, одетый в джинсы и мягкий свитер, а следом за ним поспевал врач. Гриша, а это был, скорее всего, он, обдал меня ароматом дорогих духов, заставив мои лёгкие болезненно сжаться от неудержимого чиха. Из глаз хлынули слезы: от боли и аллергии. При каждом новом чихании моё тело сгибалось, причиняя мне сильную боль, при этом я старалась как можно больше распрямиться. Получалось так себе.

– Ты чего расчихалась? – с подозрением уставился на меня врач, рискуя не успеть за Гришей.

– А- апчхи. Аллергия... – едва выговорила я сквозь насморк. Проходили это не раз: заподозрят простуду, отправят в инфекционку. А там подцепить какую-нибудь дрянь легче легкого.

– Черт-те-что! – ругнулся доктор и поспешил за собеседником.

Я же ещё довольно долго чихала.

Через десять минут вернулся врач. Высокий дядя лет тридцати пяти, волосы убраны под медицинскую шапочку, полы белого халата развеваются на ходу. На лице короткая щетина, губы недовольно поджаты. Взгляд жёсткий и прямой.

– Сироткина, очнулась, гляжу?

Хотя вопрос был чисто риторическим, я всё же кивнула. Сирот, а соответственно бесплатников, никто не жалуется. Но если промолчать, сочтут за буку и вообще церемониться перестанут. Сплетни в больнице разносятся быстро и если сложить о себе хорошее мнение, то нянечки и санитарки не считают зазорным общаться с сиротой.

– Голова не кружится? – глядя в карточку, спрашивает врач.

– Нет, – я, конечно, вру. Кружится. Но лучше побыстрее отсюда выписаться.

Из наших никто не любит лежать в больнице. Отношение персонала больницы мало чем отличается от отношения персонала детдома. Почему-то врачи и медсёстры уверены, что уколы и капельницы доставляют нам удовольствие, а всякие пункции сироты просто обожают. По их мнению, мы все обязаны сносить молча. Покормить порой тоже забывают. Наверное, считают, что раз сирота, то привыкла голодать.

В принципе, они правы. Мы ко всему привыкли. И больница не самое ужасное место, какое только можно себе представить. По крайней мере здесь не бьют. Хотя, однажды меня связали, когда я сопротивлялась взятию пункции. Это было очень давно, мне было лет пять. Но запомнила я этот случай навсегда.

Основная причина моего желания выписаться как можно быстрее – это отсутствие заработка. Пока я здесь, денег не будет, а моё место займёт кто-нибудь другой. Талантов хватает, а вот возможностей реализации – крайне мало.

Пару лет назад я встретила с одним парнем по имени Денис. Знакомство вышло случайным, я сидела на набережной и репетировала известные мелодии на гармошке. Получалось так себе. Нот у меня не было, да и знаю я их, не то чтобы хорошо. Просто однажды к нам в интернат приехала группа музыкантов, не особо известных, но вполне талантливых. Им для раскрутки своего имени благотворительные концерты продюсер навязал. И кстати, не прогадал. О них потом в газетах писали. Дальше, правда, за их судьбой не следила. Но как бы то ни было, а концерт они провели на совесть. И вообще, парни оказались общительными. Даже остались на вечер, так сказать, чаю попить. Наши все были в восторге. Ну ещё бы, концертами нас не балуют, а тут не только концерт, а ещё и живое общение со звёздами – именно так мы на них и смотрели, как на звёзд. Музыкантам это польстило и под конец встречи они оказались настолько щедры, что предложили научить играть на своих инструментах. Мы сидели за большим столом и слушали их рассказы вперемежку с игрой то на гитаре, то на гармошке. Как один из них предложил: «А есть желающие выучить пару нот? В жизни музыка всегда пригодится.» Желающих оказалось много, но в основном почему-то, на гитару и барабанную установку. Барабанную установку воспитатели запретили, якобы шумная очень. Так что все разучивали аккорды на гитаре. Меня же гитара не заинтересовала вовсе, поэтому я попросила научить меня игре на гармошке. Помню, её владелец очень обрадовался, что не придётся скучать, пока напарник делом занят. Тогда и выяснилось, что музыка на гармошке мне даётся легко. За вечер тот парень успел научить меня одной своей любимой мелодии. А когда пришло время прощаться, вдруг взял и подарил гармошку, сказав, что всё равно хотел купить новую. Хорошо, что это происходило при трёх воспитателях, иначе бы меня обвинили в воровстве. А так я приняла подарок без последствий. В общем, повезло.

И вот два года назад я сидела на набережной и пыталась разучить вторую мелодию. Рядом остановился молодой человек, длинные светлые волосы, джинсы с футболкой, поверх пиджак с заплатками на локтях, как сейчас модно. Молодой человек слушал долго, пока, наконец, не решился познакомиться. Ну и почти сразу предложил играть с ним в тандеме, а деньги пополам. С тех пор я играю вечерами в переходах метро на гармошке, а Денис – на флейте. Оригинально и свежо. Людям нравится.

Проблемы начались сразу. Стоило соседке по комнате пронюхать, что у меня появились деньги, как Лизка – глава интернаатовской шайки, добывающие себе пропитание тем, что отнимали самое вкусное и нужное у тех, кто послабее – не заставила себя долго ждать. В тот же вечер она и её подпевалы припёрлись в комнату и устроили обыск. Нашли пятьсот рублей –

мой заработок за два дня – и забрали себе. С тех пор они требуют ежедневную сумму в пятьсот рублей. Отказ не принимается.

Вообще, нам с Денисом до последнего везло. Публика нас любит и деньги водились. Даже несмотря на Лизкин сбор в пятьсот рублей каждый день, мне всё равно кое-что оставалось. Немного, но на еду или там юбочку из соседнего секонд-хенда хватало.

Несколько дней назад у Дениса сломалась флейта. От заработка пришлось отказаться в пользу нового инструмента, но Лизка и слушать не захотела. В первый вечер пригрозила, что сильно поколотит, если завтра не принесу уже тысячу. Просить у Дениса мне было стыдно, в конце концов, он меня пристроил к себе, благодаря ему у меня есть деньги. Ему всего-то нужен новый инструмент – несколько дней потерпеть без зарплаты. Я Лизке пробовала объяснить, даже обещала отдавать ей все деньги в течение недели – так сказать, компенсация за безденежные дни. Но она не захотела слушать.

Она и её компания припёрлись глубокой ночью. Разговаривать не стали. Впятером быстро связали и ткнули в рот кляп – для надёжности, чтобы не кричала. Сначала было больно, потом очень больно. В какой-то момент я отрубилась и очнулась вот только сейчас.

– Как скажешь. Тебе же хуже, – равнодушно бросает врач. – С утра анализы сдашь. Банки у медсестры возьмёшь.

Разворачивается, чтобы уйти, и шепчет с иронией в сторону, видимо, надеясь, что я не услышу. Но я слышу:

– Сиротка по фамилии Сироткина, блин.

Ни он первый, ни он последний. Людей частенько удивляет странное совпадение: сиротка по фамилии Сироткина. Хотя на самом деле, никакого совпадения тут нет.

В интернат я попала младенцем. Классическая история, не раз описанная в книгах: «... и нашли они малыша под дверьми интерната. Ни записки при ней не было, ни каких-либо вещей, только пелёнка, в которую малышка была замотана.» Имя и фамилию мне дала нянечка, что нашла меня. Маша Сироткина. Просто, без затей. Что ещё нужно брошенному ребёнку? Отчество. Ещё проще. Петровна, и придумывать не надо: в доме малютки, где я провела первые месяцы жизни, в тот год все получали отчество Петровна или Петрович – в зависимости от пола.

– Сироткина! – орёт медсестра со своего поста. – Слышишь ты меня?

Пост от меня в нескольких метрах и я её прекрасно слышу. Смотрю на неё и понимаю, что больше орать она не намерена, нужно подойти. Я осторожно, стараясь не дышать, сажусь на кровати, внезапно осознавая, что я в тонкой хлопковой сорочке – такие одноразовые, выдают в больницах. На сорочке чуть ниже ключицы разрез и через него торчит трубка, скрывающаяся в недрах моей плоти. С обратной стороны к трубке прикреплена ёмкость, судя по весу с жидкостью. Ёмкость больно тянет трубку вниз. Я подхватываю синюшной рукой ёмкость и, придерживая её возле тела, спускаю с кровати ноги. Стены и пол тут же меняются местами, а потом обратно. Делаю несколько осторожных вдохов, надеясь успокоить головокружение, и когда мне это почти удаётся, медленно встаю с кровати.

– Сироткина, мне тебя долго ждать? – снова кричит медсестра.

Не отвечая, бреду к столу, стараясь держать ёмкость так, чтобы не болталась трубка, а то больно. Подхожу и останавливаюсь, заглядываю через пост вниз, на медсестру.

Молодая женщина лет двадцати пяти, волосы заплетены в аккуратную косу, глаза подведены. Макияж ещё свежий, значит, только сегодня заступила на смену.

Медсестра чувствует мой взгляд и поднимает голову от бумаг.

– Ты Сироткина? – голос слегка с презрением.

– Я.

– По коридору прямо и налево. Процедурный кабинет. Кровь нужно взять, – и снова утыкается в свои бумаги.

Я оглядываю коридор, пытаюсь сообразить, в какую сторону идти. Коридор уходит как налево, так и направо.

– Ты что стоишь? Иди уже, – замечает меня медсестра.

– А в какую сторону?

– Ну ты даёшь, – удивляется она. – Туда, конечно. – И машет рукой налево.

Медленно я иду по коридору в указанном направлении, пока не нахожу процедурный кабинет. Рядом никого нет и я стучу.

– Да! – раздаётся женский голос с той стороны.

Я открываю свободной рукой дверь и заглядываю внутрь.

– Отправили кровь сдать.

– Какая палата? – спрашивает медсестра, подготавливая инструмент.

От вопроса я растерялась. Нет у меня палаты или я о ней не знаю.

– Палата, говорю какая? – несколько громче повторяет она, видно, думая, что я плохо слышу.

Я растерянно пожимаю плечами.

– Я не в палате, в коридоре.

– Заходи. Фамилия?

Захожу, закрываю дверь, называю фамилию.

– Садись, – указывает на стул.

Я покорно сажусь, с печалью поглядывая на свои синие от побоев руки. Больно, наверно, будет. Медсестра молча перетягивает жгутом вену, и уже от этого мне в самом деле больно. Сцепляю зубы и смотрю, как она вводит иглу под кожу.

– Обалдеть, с первого раза попала, – удивляется она. – Такая синяя, что вены не видно!

Мысленно я благодарю её за профессионализм. На самом деле, с первого раза порой не могут попасть и по нормально видимой вене. А тут такое.

Она развязывает жгут и набирает кровь в пробирку. Зажимает место прокола куском ваты и вынимает иглу.

– Свободна, – объявляет и больше на меня не смотрит.

Так же медленно, как и шла сюда, я возвращаюсь к своей койки. Едва собираюсь лечь, как замечаю чуть впереди бабушку: маленькая, сгорбленная, длинные седые волосы завязаны в хвост. Одета в просторный цветной халат на молнии. Бабушка слеповато щурится по сторонам, особенно приглядываясь к дверям палат. Замечает меня и подходит семенящей походкой. Наклоняется близко-близко и в голос говорит на ухо, едва не оглушая: похоже, бабушка плохо слышит:

– Доча, туалет не могу найти. Али прошла его? – бабушка смотрит на меня, ожидая ответа.

Я вспоминаю кабинеты, которые проходила только что вдоль по коридору. Туалета там точно нет. Значит, он в той стороне. Перевожу взгляд на бабушку, на её слепой прищур и понимаю: вряд ли она сама этот туалет найдёт.

– Давайте, я вас провожу, – предлагаю я.

– Ой, спасибо тебе! Старая я, не вижу уже ничего.

Я беру бабушку под худую руку и медленно веду за собой. Мы обе с ней еле ходим, обе маленькие и худые; со стороны, наверно, и вовсе не понятно кто кого ведёт. Я стараюсь удержаться на ногах: слабость и головокружение накинудись на меня, едва я отделилась от кровати.

Туалет оказался в конце коридора. К счастью, в самом туалете бабушка справилась без меня – как бы я ей помогла со своей ёмкостью, торчащей из разреза над грудью, понятия не имею.

Её палата оказалась рядом – я проводила и передала бабушку её соседкам. Хорошо, что они отзывчивые.

Дверь в восьмую палату была распахнута настежь. Напротив входа стояла одинокая кровать, застеленная белоснежным бельём. На кровати лежала пожилая женщина, одна её нога

была выпрямлена и забинтована. Со стороны ног с кровати свисало нечто круглое и явно тяжёлое. Как-то сразу вспомнился разговор врача с неким Гришей о том, что бабушке нельзя и дня без растяжки.

Видимо, я слишком замедлилась, проходя мимо раскрытой двери и рассматривая женщину – бабушкой её назвать язык не поворачивался. Было в ней что-то статное, благородное, в том, как она лежала, в повороте её головы. Женщина повернула голову ко мне и вперила в меня суровый взгляд.

Я смутилась и немедленно опустила глаза в пол, желая поскорее уйти. Мне было стыдно за свой чрезмерный интерес, хотя я частенько так попадалась. Смотреть на людей, пытаться понять, какие они и чем живут – я могла заворожённо наблюдать за кем-нибудь часами. Педагоги мне частенько делают замечания, говорят, что это крайне невоспитанно так таращиться на людей. Я им верю, но поделаться с собой ничего не могу.

В этот момент в палате раздалась музыкальная трель, какая-то нежная мелодия, исполненная, по-видимому, мобильным телефоном.

Взгляд женщины метнулся вглубь палаты, а потом раздосадованный, вернулся ко мне.

– Деточка, будь добра, подай телефон, – твёрдым голосом попросила женщина.

Я оглянулась, надеясь увидеть около себя ещё кого-нибудь, к кому она могла обращаться. Но рядом никого не оказалось.

– Пожалуйста, смелее, – глядя мне прямо в глаза, настаивала женщина.

Я осторожно прошла порог палаты и осмотрелась в поисках источник звука. Телефон лежал на тумбочке в метре от хозяйки. Конечно, с её ногой она не могла дотянуться. Я прошла и взяла в руки большой прямоугольный мобильник. Такие я видела в витринах магазинов, дорогие и красивые, как мечта. На дисплее светилось имя: «Гришка». Я протянула телефон владелице. Она взяла устройство, провела пальцем по экрану и поднесла к уху – все её движения были лёгкими и уверенными. Женщина улыбнулась мне и молча пригласила сесть на стул, что стоял рядом с одинокой кроватью.

– Гриша, со мной всё хорошо, – строго сказала она в трубку, при этом улыбаясь. Забота внука ей явно нравилась.

По-видимому, он собирался заехать в больницу, потому что, выслушав его, она сказала:

– Нет, сегодня для посещений уже поздно и я хочу спать. Но я с радостью увижу тебя завтра. Заезжай после занятий, будет что рассказать.

Собеседник что-то ей сказал, она внимательно слушала не перебивая.

– Твоя Вера от ложной скромности не умрёт, не переживай. Можешь смело везти её к родителям знакомиться, она точно не из трусливых... Меня вряд ли выпишут через неделю, да и я с ней уже знакома, так что... Я нормально к ней отношусь, с уважением, раз таков твой выбор... Внук, я люблю тебя, но Вера – та ещё вертихвостка!...

Она снова выслушала его ответ и отрицательно помотала головой, будто он мог её видеть.

– Не стоит, Гриша, не стоит. Встретимся завтра и спокойной ночи... Целую... Пока-пока, – строго и в то же время с нежностью в голосе попрощалась она с Гришей.

Нажала кнопку отбоя и положила телефон рядом с собой. Посмотрела на меня очень внимательно, переводя взгляд с лица на трубку, а потом на руки.

– Милая моя, что с тобой случилось? – изумилась женщина.

– Я упала с лестницы, – говоря это, я непроизвольно отвела глаза и поджала губы.

– Это ж как надо так упасть? – не поверила она.

Я промолчала, разглядывая серый пол. Она могла узнать правду у персонала, ведь врачи наверняка в курсе того, что я вовсе не упала. Тогда она посчитает меня вруней. Этот факт почему-то очень огорчал, но признаться, что меня избили было ещё более горестно.

Женщина лежала в платной палате. Судя по разговору её внука с врачом, могла бы лежать и в платной больнице, если не стечение обстоятельств. У неё есть деньги: дорогой мобильник, дорогая одежда висит на плечиках на перекладине, заменяющей шкаф.

Она может себя защитить. Ее деньги защищают ее. Как же она сможет понять, почему я не защитилась? Разве я могу объяснить, что не звала на помощь потому, что и звать-то некого. Знала, что Лизка придёт, ведь она предупреждала, но не подсутилась, потому что потом было бы только хуже?

– Не везёт тебе сказочно, раз умудрилась так упасть, – покачала она головой. – Ты здесь одна, без родителей?

Я молча кивнула. Я всегда без родителей, ведь у меня их нет. Но признаться было страшно. Её голос не был презрительным или злым, не был он и равнодушным. Наоборот, женщина выражала сочувствие. И я сидела, словно загипнотизированная, не веря, что ко мне могут так обращаться, боясь что если я признаюсь, то женщина разочаруется и прогонит меня.

– Ничего себе, какая ты смелая. Молодец! – её похвала звучала искренне, и я даже улыбнулась. – Мой Гришка такой же, всё сам да сам. Не опекайте его, он уже большой. А большим считать себя стал годов с пяти! Ох, и намучились родители с ним. Отец вечно занят, воспитывать некогда, мать неплохой человек, но уж слишком ветреная. Бывшая моделька, только о красоте и думает, где уж тут о сыне побеспокоиться. Вот и вырос безобразник и дебошир. Но сердце у него доброе. Правда, зазнаётся жутко – дескать, красавчик, от девчонок отбоя нет. – Она вдруг заговорщицки улыбнулась мне и слегка подалась в мою сторону. – Ты, я вижу, девушка красивая, хоть сейчас красоту и нужно ещё разглядеть. Но синяки сойдут, не вечны. Чуть подрастёшь и от молодых людей отбоя не будет! Главное, помни, всегда держать расстояние, близко к себе не подпускать. Поняла? – С мягкой улыбкой, отчего её суровые глаза вмиг подобрели, дала она мне совет.

Я снова кивнула, думая, что бабушка Гриши ошиблась. Не будет у меня никогда очереди из женихов, потому что ничего я из себя не представляю. Не такая уж я и красивая, много девушек значительно красивее, а ещё толковее и успешнее. Но вслух не возразила, не желая обидеть бабушку.

В дверь постучали и тут же в комнату вошла медсестра.

– Сироткина, а ты что здесь делаешь? – возмутилась она. – Не успела попасть на отделение, как уже по палатам шариться? Ну-ка, марш отсюда! И смотри мне!

Я, как могла, поспешила встать и выйти. Что смотреть, я прекрасно знала: за детдомовцами всегда все проверяют дважды, боясь, что украдут что-нибудь. Такое действительно не редкость, хотя я не могу осуждать интернатовских: довольно часто на воровство толкает нужда. И всё же, мне воровать не пришлось даже в самые тяжёлые времена; для меня проще от голода умереть, чем что-то украсть, хотя порой я сожалела об этой своей особенности.

Выходя, я слышала, как медсестра спросила елейным голосом:

– Как вы себя чувствуете, Алла Леонидовна?

– Ну как-как, – махнула рукой Алла Леонидовна, м ногу тянет, а в остальном нормально.

– Тянет? Сейчас поправлю. – Засуетилась медсестра.

Я прикрыла дверь и прошла к своей кровати, одиноко стоящей в коридоре. Вполне возможно, что завтра или послезавтра у меня появится соседка или наоборот, освободится место в палате и меня переложат. И так и так лучше, чем лежать здесь одной, на виду.

Глава 2

Два дня я практически занималась ничегонеделаньем. Лежала в кровати и много спала. Головокружение напоминало о себе всё реже, а руки из тёмно-синих превратились в коричневые.

В палату меня так и не перевели. Причина банальна: больница переполнена. Но и ко мне никого не подселили. Кормили, правда, в первый же день ругались, что у меня с собой нет ни тарелки, ни ложки, ни чашки. Крик тётеньки, развозящей еду на тележке, был слышен, казалось, на всю больницу.

– Ну вот как ты так, без ничего своего! Ни тарелки, ни чашки! Позвони своим, кто у тебя там: родители, опекун, пусть принесут!

Мы стояли друг против друга; круглая низкая женщина без возраста с ожиданием, что я сейчас же исполню её наказ и побегу вызванивать родных; и я через тележку от неё, низкая худенькая и синюшная девчонка с надеждой в глазах, что может, она сжалиться и всё-таки покормит. От её крика было обидно, ведь мне звонить некому. Ну не воспитателю же, да и не знаю я, кто сегодня на дежурстве. А даже если бы знала, она не бросит группу и не полетит ко мне. Да и вообще, телефона у меня тоже нет.

Конечно, для тётеньки я была самой обычной девчонкой и мои жизненные трудности ей были неведомы. Мне же ужасно хотелось есть, а она зависла над кастрюлей с супом и, похоже, не собиралась меня кормить.

На её крик из-за поста выглянула медсестра, та самая, что давала инструкции, как пройти к процедурному кабинету.

– Свет, не ну представляешь, что делается! – с возмущением крикнула тётенька медсестре, – Думают, будто тут отель, и все им должны подать. Из пятой без тарелки, эта – вот...

Медсестра Света прервала её на полуслове.

– Зинаида Геннадьевна, она сирота, нет и не будет у неё посуды. Принесите ей, пожалуйста, необходимое.

Тётенька задохнулась от удивления и растерянно промямлила:

– Прости, Господи... – но довольно быстро пришла в себя и сурово глянув на меня, сказала своим сильным громким голосом, – Ну, жди тогда, обойду до конца коридор – принесу тебе. Это ж на кухню надо возвращаться!

И покатила тележку дальше по коридору, унося с собой ароматы, может и не самой вкусной, но всё-таки еды. Я покорно села на кровать ожидая. Из раскрытых палат доносился аппетитный звон ложек о тарелки, слышались довольные приглушённые разговоры. Я сидела и глотала слюну, ожидая тётеньку.

Тётенька вернулась минут через сорок, снова с тележкой, уже приготовленной для сбора посуды. К этому моменту в палатах стихли звон и разговоры, сытые пациенты укладывались спать. Я тоже легла, уже догадываясь, что тётенька про меня забыла.

В детдоме такое тоже бывало. Редко, но всё же случалось. Там мы собираемся в столовой, по комнатам еду не разносят. Как-то однажды защёлка сломалась, дверь закрылась и не открывалась. Моя соседка по комнате уже ушла на занятия, а я, собирая тетради, задержалась.

Я просидела взаперти до вечера. Сначала пыталась достучаться до соседей за стенкой, но все были на занятиях; не пришёл никто и на мой крик просто потому, что весь этаж стоял пустой. Не хватились меня на занятиях, а уж про завтрак и обед и думать нечего: едва ребята обнаружили никем не занятую тарелку, как поделили её меж собой и влёт сметели. Получалось, что я как бы поела.

Открыли меня вечером, когда все вернулись на этаж с занятий. Моя же соседка не смогла попасть в комнату. Вызвали нашего плотника, дядю Гену с огромным синюшным от пьянок носом.

Дверь открыли, а я сплю. Не лазаю по стенам в панике, не схожу с ума от ужаса, а банально сплю. А я так хотела есть, что к вечеру не осталось сил и в самом деле уснула. Воспитатель решила, что я сама замок сломала, чтобы на занятия не ходить. Особенной вины её в этом нет, так как для неё совершенно очевидно, что в столовую я ходила! Никто же не признается, что съел чужую еду – вряд ли бы сильно ругали за сам факт поедания не своего блюда, но вот то, что умолчали об отсутствии товарища – за это, конечно, влетит. Так что героев не нашлось.

В наказание я неделю драила туалеты. Ну, не самое худшее, что со мной могло бы случиться.

Тётенька подкатила тележку к моей кровати; на блестящей металлической поверхности одиноко стояли тарелка с супом и чашка с компотом, накрытой кучочком хлеба. Обрадовавшись и сглатывая голодную слюну, я побыстрее села. Но тётенька не спешила передать мне тарелку. Вместо этого она зычно крикнула в сторону поста:

– Свет!

– Ну чего? – недовольно выглянула медсестра.

– А куда я ей поставлю? Тумбочки-то нет. На кровать – так сейчас зальёт же всё!

– Щас, – буркнула Света и вышла из-за поста, неся в руках обшарпанный стул. От этого её «Щас» я почувствовала себя обузой. Все пациенты как пациенты – лежат, не просят ничего. И только у меня нет ничего и всё мне надо.

Со стулом медсестра подошла к нам и установила его возле изголовья моей кровати. Молча развернулась и ушла к себе за стол. Раздатчица также молча выставила на стул чашку и тарелку, в которую я тут же вцепилась, подтянув к себе поближе.

– Пусть у тебя пока стоит, – сказала тётенька, имея в виду посуду. – Будешь выписываться, вымоешь и отдашь, поняла?

Я кивнула.

– А когда тебя, кстати, выписывают? – обернулась она, уже провезя тележку вперёд.

Я пожала плечами. Вряд ли мне кто-нибудь расскажет что-то о моём состоянии и о сроках пребывания в больнице. Эту информацию обычно сообщают кому-нибудь из воспитателей, им же передают документы. Сироте же остаётся молча принимать назначенное лечение и не спорить.

– Ну, не забудь, не забудь вернуть, – строго сказала тётенька, прежде чем окончательно ушла.

Я пребывала в дремоте. Час назад мне поставили капельницу. Лежать было откровенно скучно. Первые минут двадцать я развлекалась тем, что наблюдала проходящих мимо людей. Сегодняшняя медсестра – женщина с короткой стрижкой, лет сорока – почти не сидела на месте. Она ходила по палатам, делала уколы, ставила капельницы, раздавала лекарства – в общем, носилась по коридору назад и вперёд. Часов в одиннадцать вместе с ней ходила врач, высокая, с аккуратной стрижкой светлых волос и с голубыми тенями на веках, такая же деятельная, как и работающая с ней в паре медсестра.

Пациенты по коридорам не гуляли. Несмотря на неурочный час, два раза в палаты пробирались посетители. Обе женщины, первая, пришедшая на десять минут раньше, худая, с уставшим лицом, шла ровно и спокойно, особенно не прячась, но и не привлекая к себе лишнего внимания. Каждый жест ее уставшего тела как бы заявлял, что она здесь неслучайно и имеет на то право.

Вторая посетительница, полная и суетливая, шла быстрым шагом, создавая вокруг себя невероятный шум. Не успела она войти на отделение, как у неё зазвонил телефон, который она не подумала переводить в тихий режим. Она сняла трубку, сказала несколько злых слов и отключила связь. В руках она несла тяжеленный пакет, который бился о её ноги, шурша полиэтиленом. Лицо женщины выражало крайнее недовольство, словно её заставили сюда прийти; жесты были резкие, рубленые, злой взгляд смотрел прямо перед собой, уничтожая любые препятствия на пути; всё в ней говорило о крайней степени раздражения. Едва завидев посетительницу, медсестра отошла в сторонку, не желая нарваться на скандал. Женщина прошла мимо моей кровати, едва не снеся устройство для подвеса капельницы, но даже не заметила этого.

После некоторое время стояла тишина и я, не находя больше развлечений, задремала.

– Ну вот черт-те что! – где-то рядом с ухом раздался ворчливый женский голос.

Я открыла глаза и повернула голову на звук. Чуть в стороне от меня пожилая санитарка драила полы расползающейся на нитки тряпкой болотного цвета, со специфическим запахом хлорки. Швабра в её руках быстро мелькала от стены к стене, туда-сюда, потом санитарка ловко переворачивала метёлку и ещё несколько раз возила тряпкой по полу. Руками в синих перчатках снимала тряпку со швабры, окунала в металлическое ведро, отжимала и, нацепив на швабру, снова возила по полу.

Возле моей кровати ей пришлось наклоняться, чтобы помыть под кроватью. Кажется, именно эта необходимость, при старческом неумении сгибаться, её и расстроила.

– Положили в коридоре, думают, нормально, – ворчала санитарка себе под нос, но поскольку она находилась рядом со мной, то я, конечно, всё слышала.

Вдруг она обратилась ко мне:

– Ну а вот ты-то, возмутилась бы хоть! Неужели нравится здесь лежать?

Она всерьёз ждала ответа, и я честно ответила:

– Совсем не нравится. Но мест нет.

На бабушку мои интонации подействовали совершенно неожиданным образом. Она выпрямилась, облокотившись на швабру, её глаза засияли, а голос оказался наполнен воодушевлением:

– Это да. В этом году пациентов много, – бабушка понизила голос и заговорщицки прошептала. – Катаклизмы грядут, оттого и страдаем. Ох, сколько людей травмы получают. Да и умирает много. Вон, у соседки у моей, сын погиб, в аварию попал. И водитель хороший, аккуратный, не гоняется. А поди ж ты, разок тюкнулся и не стало парня. Вот то-то... – Санитарка схватила швабру и с удвоенной энергией принялась драить.

Вымыла пол вокруг моей кровати, словно островок оставила и, оказавшись рядом с изголовьем, совсем тихо шепнула:

– Там это, мегера из пятой сегодня выписалась. Только что кровать перестелила. Ты подойди тихонько к медсестре, спросись.

Санитарка взяла ведро со шваброй и перенесла их дальше по коридору.

Я встала и подошла к посту. Спросить стоило, пока кровать не увели. Медсестры не было минут пять, я всё это время стояла возле поста, лениво рассматривая дождь за окном.

– Ты чего? – внезапный бодрый голос спросил из-за плеча.

Я обернулась, справедливо предполагая, что вопрос адресован мне. Позади стояла врач и с интересом разглядывала меня. Из-за её высокого роста и уверенной манеры держаться мне вмиг стало не по себе. Мелькнула трусливая мысль уйти не спросив. Но это было глупо, и я всё-таки спросила:

– А ведь сегодня кто-то выписывается? Нет ли свободной кровати в палате?

Женщина понимающе кивнула и прошла за стол, но не села, а что-то искала, скрытая стойкой.

– Не хочешь в коридоре лежать? – Спросила она, словно кому-то могло понравиться тут лежать.

– Не хочу, – спокойно подтвердила я.

– Охо-хо-хо-хо, – задумалась доктор. – Кровать-то есть, но на неё уже пациентку везут из реанимации. Понимаешь? – С сожалением сказала врач. – Полежи пока, я про тебя помню, как только место освободится, так сразу переведём. Хорошо?

Она не отшила меня и даже не прогнала. Её голос был полон участия и заботы. Разве могла я с ней не согласиться? Расстроенная, я вернулась к себе на кровать. Я понимала, что со мной обошлись несправедливо, но также знала, что поделаться с этим ничего не могу. Персонал больницы вынужден считаться с мнением и желаниями пациентов. Если есть свободная кровать и на неё два претендента, логичнее отдать кровать тому, кто может за себя постоять. Я всё понимала, но чувство обиды не желало проходить.

Смирившись со своей участью, я легла и не заметила, как заснула. Разбудила меня всё та же медсестра, принесла таблетки. Обезболивающее, плюс антибиотик от возможной пневмонии. Я проглотила лекарства, запив их остатками чая и пошла в туалет.

На обратном пути взгляд невольно метнулся к восьмой палате, той самой, где лежала Гришина бабушка. Как и вчера, дверь была распахнута, открывая взору палату. Бабушка держала в руках книгу в тонком переплёте, на носу сидели очки. Даже не видя её лицо целиком, я могла бы с уверенностью сказать, что книжные перипетии её необычайно увлекли. От напряжения она мяла страничные листочки, загибая их и снова распрямляя. Когда требовалось перевернуть, бабушка быстро сляпывала палец и прикладывала к странице.

Я совсем не ожидала, что она меня заметит. Поэтому когда она повернула ко мне голову и улыбнулась, я смутилась, чувствуя себя шпионом.

– Здравствуй, деточка! – радостно поздоровалась она, словно увидела старую знакомую.

– Здравсте – невежливо проямлила я, всё ещё охваченная смущением.

– Как твои дела? – излучая невероятный заряд позитива, спросила она.

– Замечательно. Как ваши? – я мало что знала о правилах хорошего тона, но мне казалось, что когда кто-то интересуется состоянием моих дел будет очень вежливо поинтересоваться в ответ.

– Всё тоже неплохо! Вот только скучно здесь очень, правда? – подмигнула она мне.

Я искренне улыбнулась. Её энергия била через край, ей явно не хватало движения.

– Не хочешь зайти, пообщались бы? Я бы и сама к тебе пришла, но, как видишь, пока не могу, – предложила бабушка, указывая на перебинтованную ногу.

Я вспомнила, что зовут ее Алла Леонидовна. Я оглядела коридор в поисках медсестры или врача. Зайти очень хотелось, но я боялась, что меня выгонят, как и вчера.

– Заходи смелее, я не кусаюсь, – настаивала Алла Леонидовна, неправильно истолковав мою нерешительность.

– Я бы с удовольствием, но персонал больницы не очень любит, когда пациенты ходят по палатам, – постаралась я деликатно отказаться, не уточняя, что не любят они, когда сироты ходят по палатам, дабы чего-нибудь не унесли. Можно было, конечно, сослаться на головную боль или что-то похожее, но так как Алла Леонидовна фактически застала меня за шпионажем, то подобная отговорка мне показалась нелепой.

– Персонал больницы я беру на себя, – смело заявила бабушка. Я всё ещё не решалась и она призывно похлопала по кровати рядом с собой.

Мне очень хотелось пообщаться. Не так уж часто со мной разговаривают без оглядки на отсутствие у меня воспитания и хороших манер.

Я шагнула в палату, чувствуя, как радость наполняет моё сердце. И уже не испытывая сомнения, присела на край кровати.

– Ну вот и славно! – обрадовалась Алла Леонидовна. – Здесь так скучно, что я согласна на чтение ширпотребных книжонок. – Алла Леонидовна помахала в воздухе книгой, показывая, о чём, собственно речь.

Это была книга в бумажном переплёте, по центру изображены молодые и красивые мужчина и женщина, заключённые в цветочный орнамент. Роман. Я частенько видела такие у дежурной, Елены Ивановне. Она читала их в полумраке, пользуясь лишь ночником, всю ночь напролёт, отчего поутру у неё всегда были красные опухшие глаза, будто она плакала.

Я никогда не читала романов и понятие не имела, годятся они на звание ширпотреба или нет. Поэтому сдержанно улыбнулась, не опровергая, но и не подтверждая высказывание.

– Давай для начала мы с тобой познакомимся. Меня зовут Соболь Алла Леонидовна. По фамилии звать, конечно, не стоит. Имени-отчества вполне достаточно. А как зовут тебя?

– Маша, – фамилию называть мне не хотелось – уж слишком она «говорящая». По отчеству обычно зовут старших, так что для меня в нём смысла не было.

– Просто Маша? – уточнила Алла Леонидовна. Наверное, в её кругах принято называть полное имя.

Я кивнула.

– Ну хорошо, Маша. Вот мы и познакомились! – радостно улыбнулась бабушка. – Скажи, ты читаешь книги? Хочешь, я дам тебе почитать? – Кивнула она на роман.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Я раньше не читала романы.

– Что же ты читаешь, Маша?

– В основном учебники, – пожала я плечами. В интернате есть библиотека, но воспитатели следят строго, чтобы сначала выполнялись уроки. Мне учёба даётся не очень легко, так что некогда развлекаться чтением.

– У тебя, наверное, времени нет? – догадалась Алла Леонидовна. – Ну ничего, здесь, я думаю, его с избытком. – Заговорщицки улыбнулась она. – А в какой палате ты лежишь?

– Я в коридоре лежу, – ответила я и видя, как её брови удивлённо поднялись, поспешила объяснить. – Сейчас пациентов много, мест не хватает.

Алла Леонидовна посмотрела на меня с сочувствием.

– Бедненькая. А много там с тобой в коридоре людей лежит?

– Пока больше никого.

Алла Леонидовна неопределённо хмыкнула, но комментировать не стала. Вместо этого, спросила о роде моей деятельности. Я рассказала ей, стараясь не упоминать интернат из-за страха отпугнуть её, что учусь в одиннадцатом классе. Она поинтересовалась, собираюсь ли я куда поступать. Я ответила, что собираюсь поступать в ветеринарную академию, так как очень люблю животных. Вообще-то, некоторое время я всерьёз планировала поступить в музыкальную академию. Мне очень нравится музыка и стань она делом всей моей жизни, я была бы счастлива. Но по здравому размышлению я пришла к неутешительному выводу, что найти работу музыканту сложнее, чем ветеринару. Недаром их столько в переходах.

– У тебя, наверное, есть домашний питомец? – заинтересовалась бабушка. Видно было, что Алла Леонидовна равнодушна к братьям нашим меньшим.

Я отрицательно покачала головой.

– Мне нельзя, – ответила с грустью.

– Жаль. А вот у моего шалопаю – Гришу я имею в виду – живёт огромный рыжий кот. Мейн Кун называется. Ну и здоровый, детина!

– Ой, они очень красивые! – я видела фото котика Мейн Кун в книжке про животных, украдкой взятой в библиотеке, пока воспитатель не пришла проверять мои домашние уроки.

– Красивый – это правда. А пушистый! Но ухода за собой требуют. Шерсть и чесать регулярно надо и промывать, чтоб не свалялась.

– А он большой?

Алла Леонидовна развела руки в стороны, наглядно показывая размер.

– Вот такого.

– Ого, какой! – такой кот мог равняться средней собаке.

– Немаленький, это точно. Значит, заведёшь себе животное, когда начнёшь жить отдельно от родителей?

– Думаю, да, – неуверенно ответила я.

По закону сиротам полагается собственное жильё, как правило, комната в коммуналке. Но реальность такова, что сирот в очереди значительно больше, нежели этих самых комнат.

Мы ещё немного поговорили на тему животных, после чего Алла Леонидовна рассказала со смехом, что упала, как в анекдоте, поскользнувшись на старой банановой шкурке, кем-то неосмотрительно брошенной на дорогу.

– Уточек я шла покормить и шкурку не заметила.

Оказалось, что произошло это в парке, что находится рядом с больницей. Как только она упала, вокруг неё тут же собрались люди, какой-то мужчина пытался помочь ей встать и тут-то выяснилось, что не то что вставать, а и трогать ногу или как-то шевелить ужасно больно. Вызвали скорую, которая приехала довольно быстро и отвезли в ближайшую больницу.

– Гриша всё никак понять не может, почему я не попросила врачей отвезти в платную больницу. А мне было так больно, что без разницы куда, лишь бы быстрее.

Довольно скоро в нашем разговоре с Аллой Леонидовной я заметила одну особенность, а именно, какой бы темы мы ни коснулись, она непременно упоминала её единственного и горячо любимого внука. Хоть она и звала его шалопаем, но прощала ему многое.

Бабушка считала, что плохое поведение Гриши – это полностью вина отца. Не присмотрел вовремя, не уделял должного внимания, да ещё и всячески попустительствовал. Рассказывая про Антона, отца Гриши, бабушка переставала улыбаться. Ее глаза вмиг делались грустными, а на лице проступали морщины.

– Это моя, конечно, вина, что Антон такой беспринципный. Растила одна и сама вечно была занята на работе. Потом вот взяла кредит в том банке, где работала сотрудником и открыла первый отель. Тут уж времени на сына совсем не осталось. Но понимаешь, казалось, для него же стараюсь. А вышло вот как, – печально поведала Алла Леонидовна. – К счастью, Гришка добрее. Мать его хоть и не особенно воспитывает, но всё-таки человек чуткий и Гришу этому научила. Правда, чуткость эту он тщательно скрывает – в тех кругах, где он крутится, не принято быть добрым.

Примерно через час нашей беседы я знала, что Гриша учится на последнем курсе государственного университета на факультете управления, готовясь по завершении учёбы принять на себя управление одним из отелей отца, тем самым который открыла в своё время Алла Леонидовна. Грише двадцать один год, и совсем недавно он очень расстроил бабушку, познакомив со своей будущей женой Верой. По словам Аллы Леонидовны, Вера настоящая вертихвостка, не обременённая моральными ценностями, которая только и озабочена тем, чтобы успешнее выйти замуж.

– Грише она совсем не подходит. Скорее, моему Антону, отцу Грише. Но он уже женат, – со смехом добавила бабушка.

По коридору раздались громкие крики, призывающие к ужину.

– Маша, ты же голодная, наверно! – спохватилась Алла Леонидовна.

Я действительно хотела есть. Алла Леонидовна отправила меня взять себе еды; я предложила и для неё захватить, но она отказалась, сообщив, что не голодна. Я поправила под её головой подушку и попрощавшись до завтра, оставила её спать.

Глава 3

С утра я проснулась от странного звука, негромкое такое посапывание наряду с тихим жужжанием. Повернула голову в сторону источника звука. Рядом на стуле стоял небольшой прибор с электронным табло. От прибора вниз уходил чёрный электрический провод, а сам прибор соединялся с ёмкостью, торчащей из моей груди.

– Маш, проснулась? – шепчет, наклонившись, медсестра. Тёмненькая – Света, вспоминаю я имя.

Я и не заметила, как она подошла. Киваю, хотя на самом деле пребываю в неопределённом состоянии: то ли проснулась, а то ли нет.

– А что это? – указываю кивком на прибор. Шепчу так же тихо, как Света, наверное, чтобы не разбудить других пациентов.

Света внимательно смотрит на табло, что-то подкручивает регулятором.

– Плевроаспиратор, – наконец, даёт она ответ.

– А для чего он?

– Откачивает воздух из плевры.

Слово незнакомо мне и я не могу удержаться от следующего вопроса.

– Откуда?

Света переводит взгляд на меня и видит круглые глаза. Качает головой и наигранно тяжело вздыхает:

– Ой, Маша, много будешь знать, скоро состаришься, – серьёзным тоном произносит она, но по лёгкой улыбке я понимаю, что это шутка.

– А долго мне ещё с ней лежать?

– Нет, недолго.

– А раньше тоже подключали?

Света терпеливо сносит все мои вопросы, поправляя на мне одеяло.

– Угу.

– А почему я не слышала? – ещё больше удивляюсь я.

– А ты спала много. Вот и не слышала.

– А...

Но я не успеваю задать очередной вопрос; Света меня перебивает:

– Маш, вопросов слишком много. Сегодня утром, когда придёт врач, сходишь на рентген. И если всё будет хорошо, дренаж снимут.

Я киваю и закрываю глаза. Проваливаясь в сон, слышу Светино:

– Поспи ещё немного.

В следующий раз я проснулась от звона посуды. Прибора рядом со мной уже не было, а тётенька с тележкой была близко. Я села и дождавшись, когда тележка поравняется с моей кроватью, протянула тарелку, получая свою порцию геркулесовой каши с кусочком булки, украшенной маслом. Нагретой над чаем ложкой я размазала масло по булке. Булочка с маслом – это самое вкусное! Идеальное дополнение как к каше, так и к чаю; я разделила кусок на две половинки, одну отложила на чашку с чаем.

Мимо прошёл врач, тот самый, что уговаривал Гришу не перевозить бабушку. Пролетев, врач резко остановился и развернулся ко мне.

– Сироткина, после завтрака на рентген.

Доктор убежал дальше, не дожидаясь от меня ответа. Я съела свою кашу, выпила чай, взяла посуду и пошла в туалет. Под тонкой струйкой холодной воды помыла ложку, тарелку, чашку. Кое-как прополоскала рот: зубной щётки и пасты у меня при себе не было. Сполоснула лицо и руки и, взяв посуду, пошла обратно. Полотенца у меня тоже не было и лицо ещё некоторое время было мокрым. Можно было вытереть рубашкой, но тонкая ткань станет совсем прозрачной.

Когда я вернулась, медсестра Света уже ждала меня.

– Маш, идём.

Я поставила посуду на стул и пошла вслед за медсестрой. Мы прошли коридором и вышли из отделения на лестницу. Спустились на один этаж и вошли в другой коридор, как две капли воды похожий на наш. По сторонам находились широкие двери с табличками: «Операционный блок», «Реанимация». В конце коридора находились женская и мужская смотровая и рентген кабинет.

Света постучала и, дождавшись громкого: «Войдите», открыла дверь. Зашла внутрь, жестом веля мне стоять у дверей, и вернулась через несколько минут.

– Дорогу запомнила? – тихонько спросила она.

Я кивнула.

– Ну давай иди, – подтолкнула она меня в спину.

Я зашла в полутемное помещение. Из смежной двери ко мне вышла худая женщина средних лет.

– Снимай рубашку и ложись на стол, – велела она и скрылась за смежной дверью.

Снять рубашку оказалось довольно сложно. Разрез на этой сорочке был диаметром с трубку; трубка – торчала, но как раздеться? Я мучалась несколько минут безрезультатно, пока женщина не вышла ко мне.

– Ну чего ты возишься? – недовольно спросила она.

– Мне рубашку не снять, – я развернулась к ней, показывая, с чем возникли затруднения.

– А чего меня не предупредил никто, что у тебя дренаж? – возмутилась она. – Так как нам быть-то? В рубашке нельзя, тень будет. Была бы ещё белая... – Расстроено сказала она. – А знаешь что, – воодушевилась женщина, показывая на ворот рубашки. – Давай вот здесь, сверху вниз разорвём и до пояса снимем. А ты потом прикроешь халатом.

– У меня нет халата, – отрицательно качнула я головой.

– А как ты без халата? – удивилась она. Осмотрела сорочку и указала на разрез, через который проходит трубка. – Ну нам всё равно её надо снять. Тогда разрежем здесь побольше и пропихнём. Будет, конечно, порвано, но по-другому никак.

Она отпустила мою сорочку и ушла в кабинет. Тут же вернулась, неся в руках ножницы. Сделала маленькое сечение в сорочке и из него прорезала длинную линию до трубки. Получилась довольно большая и откровенная прореха прямо под грудью.

Женщина осторожными движениями помогла мне снять рубашку. Прежде чем лечь, я успела бросить взгляд на грудь. Чуть в стороне от самой груди, но не заходя подмышку, располагался квадратный, сантиметров десять в сечении, медицинский пластырь, удерживающий трубку. Всё самое «красивое» наверняка скрывалось под ним.

– Давай ложись, – напомнила женщина о том, для чего я здесь.

С её помощью я легла на металлическую поверхность, застеленную короткой одноразовой пелёнкой. Я с опаской смотрела на огромный, под потолок, аппарат. Длинная массивная опора, соединительные трубки, в которых скрыты провода, подведены к большой штуке, скорее всего, излучателю, закреплённому на подвижном штативе.

Как только женщина скрылась за смежной дверью, излучатель опустился и завис на уровне моей груди.

– Голову набок, глаза закрыть, – раздалась команда из динамиков.

Я послушно закрыла глаза, отвернув голову.

– Можешь встать, – через полминутки сказали динамики. И почти сразу женщина вышла из кабинета.

– Так. Давай, я помогу тебе одеться.

Вдвоём мы облачили меня в рубашку. Разрез некрасиво лежал под грудью, оголяя плоть. Даже здесь, в этом полутёмном кабинете, мне было неловко.

Обратно по коридору я шла, зажав разрез в кулак, чувствуя себя раздетой. Когда я проходила мимо поста, меня остановила Света:

– Тебе снимок отдали? – выкатывая из палаты капельницу, спросила она.

– Нет.

– Ладно. Иди ложись, – велела она.

Но лечь я не хотела вовсе. Вместо этого, подошла к восьмой палате, не уверенная, удобное ли выбрала время для посещения, но испытывая острое желание увидеть Аллу Леонидовну. Вчера при прощании мы договорились, что сегодня я обязательно к ней зайду. Вот только время не уточнили.

Как и раньше, двери в её палату были распахнуты. Я тихонько заглянула, чтобы не разбудить её в случае, если она спит. Она не спала. Увидела меня и приветливо улыбнулась.

– Маша, здравствуй! А я всё гадала, спишь ты или нет.

Я застыла на пороге, не решаясь зайти. Алла Леонидовна понимающе улыбнулась.

– Заходи. И давай на будущее договоримся: я всегда рада тебя видеть. Хорошо?

Я кивнула, испытывая благодарность за её доброту и, тепло улыбнувшись в ответ, переступила через порог. Прошла в палату и села на свободный стул.

– Хорошо.

– Вот и отлично! Маша, а что случилось с твоей рубашкой? – с беспокойством спросила бабушка.

Я рефлексивно посмотрела на разрез.

– На рентген ходила. По-другому рубашку было не снять.

– Н-да печально, – покачала она светлой головой, – но ты не расстраивайся, я что-нибудь придумаю.

Мне совсем не хотелось обременять Аллу Леонидовну моими проблемами. Достаточно того, что она тепло ко мне отнеслась и не брезговала общением со мной. Хотя, скорее всего, всё дело в том, что она не знает о моём положении, мне хотелось верить, что Алла Леонидовна не изменит своего отношения, даже если узнает. Правда, проверять я не рисковала.

– Спасибо. Мне и так неплохо. В конце концов, это же больница.

– Не спорь, деточка. Я вижу, как тебе «неплохо» – от смущения глаз не поднимаешь! Мне не в тягость, а в радость позаботиться о ком-то. Гришка давно уже вырос и теперь он обо мне заботится. Правнуки когда ещё будут. Ты мне лучше скажи, когда с тебя эту штуку снимут? – Алла Леонидовна указала на трубку.

– Дренаж? – мой взгляд метнулся к системе, чтобы убедиться, что речь о ней. – Медсестра сказала, что рентген покажет: если всё будет хорошо, то скоро снимут.

– Будем надеяться, что всё хорошо, – подбодрила меня Алла Леонидовна. – А не больно?

– Сегодня уже не особо. Только вставать из положения лёжа или переворачиваться сбоку на спину больно. А ходить и сидеть – нет.

– На молодых всё быстро заживает, – порадовалась бабушка. – А мне Гришка всё названивает и названивает. Непокойно ему, что за мной здесь плохой уход. Просила, чтоб не приходил, но всё равно придёт. Ещё и мымру свою обещал привезти, хотя на кой она мне тут.

Я слабо улыбнулась реплике. Я не знала Гриши и Веры, но подозревала, что бабушка может относиться к девушке предвзято. Всё-таки, как-никак она единственного и любимого внука из семьи забрать пытается. Наверное, в моём лице бабушка что-то заметила, потому что спросила:

– Что, Маш, несогласна ты со мной? Думаешь, зря я её так?

Вопрос был задан спокойно, без обиды и агрессии. Похоже, Аллу Леонидовну действительно интересовало моё мнение.

Я пожала плечами, не желая обидеть бабушку резким суждением.

– Да ты её ещё просто не видела. Надеюсь, и не увидишь, – поджала губы Алла Леонидовна. – Ой, Маш, поправь мне подушку, пожалуйста. Неудобно что-то, вся спина затекла.

Я с удовольствием встала и подошла к кровати. Помочь Алле Леонидовне за её доброту – меньшее, что я могу для неё сделать. Она наклонилась вперёд, позволяя мне высвободить подушку и взбить её, упирая в изголовье кровати.

– Попробуйте лечь, – я положила подушку повыше, чем было до этого.

Алла Леонидовна осторожно легла, поёрзала, прикладываясь поудобнее. Её лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Да, так хорошо! Маша, скажи, а ты так и лежишь в коридоре? Не перевели тебя ещё в палату?

– Нет, Алла Леонидовна, пока не перевели.

– Знаешь, я тут что подумала... – задумчиво проговорила Алла Леонидовна. – А не желаешь ко мне в палату переехать?

Предложение было столь неожиданным, что я распахнула глаза.

– Подожди отказываться, – заметив мою реакцию, сказала бабушка. – Сама подумай: тут скучно, а вдвоём веселее, это раз. К тому же, если мне нужна будет помощь, не придётся ждать медсестру. Ты рядом и сумеешь помочь. А в благодарность я буду развлекать тебя разговорами. Ну, что скажешь?

Я очень хотела сказать: «да». Но пока я не признаюсь Алле Леонидовне, что я из детского дома, это будет считаться обманом. Ведь она не будет знать, кого приютила.

В то же время, признаться было страшно.

– Спасибо вам за участие. Но я как-нибудь обойдусь, – как можно мягче отказалась я. Бабушка открыла рот, собираясь возразить, но я сделала вид, что не заметила и поспешно добавила: – Я почти уверена, что какая-нибудь койка в палате да освободится. Не могут же пациенты тут вечно лежать. – Неудачно пошутила я.

– Ой, Маша, много ты понимаешь. Иные долго лежат, – не сдавалась бабушка. – А я всё же настаиваю. Пойми, нам обеим так будет лучше.

Я опустила взгляд в пол. Может, и лучше, но мне точно нечем платить за палату. Словно прочитав мои мысли, Алла Леонидовна воскликнула:

– Маш, оплату я беру на себя! Ну же, соглашайся.

– Извините, я не могу, – не могу обманом проникнуть в палату и признаться тоже не могу.

– Да почему же? – искренне недоумевала бабушка. Я отвела глаза в сторону, уже чувствуя себя обманщицей. – Маша, есть причина, о которой я не знаю? – Ловя мой взгляд, пытливо спросила она.

Мне было откровенно стыдно. Слова просились на язык и я закусила губу, чтобы смолчать.

– Извините, меня, наверное, уже ищут. Мне идти пора.

Я практически выбежала под окрик Аллы Леонидовны, призывающий меня остаться.

Сразу после обеда ко мне подошла Света.

– Маш, вставай, идём, – позвала она за собой.

Я неловко поднялась и пошла следом.

– А куда мы идём? – спросила, когда поравнялась с ней.

– Сейчас всё узнаешь.

Больше всего я не люблю неизвестность. Если со мной будут что-то делать, то хотелось бы знать. Но мне пришлось вдохнуть поглубже, призывая себя успокоиться и сжать пальцы, нервно теребящие разрез рубашки: хмурое выражение на лице Светы однозначно сообщало, что рассказывать мне что-либо она не намерена.

Мы подошли к процедурному кабинету, и Света заглянула внутрь.

– Геннадий Семёнович, вот Сироткину привела.

– Пусть заходит, – ответил мужской голос.

Света подтолкнула меня вперёд и закрыла за мной дверь. Рядом с кушеткой стоял врач, облачённый в медицинскую маску, перед ним металлический стол с инструментами, от вида которых мне тут же сделалось плохо. Ассистент врача – женщина лет тридцать, с модной стрижкой «каре» стелила на кушетку одноразовую пелёнку.

– Иди сюда, – поманила она меня к себе. – Ложись на кушетку.

От испуга, что сейчас что-то будут делать, сердце забилось быстро-быстро. На ватных ногах я подошла к кушетке и с помощью медсестры легла. Она взяла ножницы и ловким движением разделила мою сорочку на две части по уже образованному ранее разрезу. Врач в это время набирал в шприц какую-то жидкость из пузырька. Брызнул вверх, удаляя воздух и смеялся медсестру.

– Тампон, – медсестра протянула кусок ваты, зажатый в щипцах, и флакон раствора. Хотя мне и было страшно, но я внимательно следила за действиями врача, из-за чего пришлось держать голову на весу. Геннадий Семёнович недовольно посмотрел на меня, но промолчал; обильно смочил вату и приложил к пластырю. Через полминуты подцепил его щипцами и осторожно снял.

Под пластырем обнаружился некрасивый шов с трубкой посередине.

– Тампон.

В этот раз кусок ваты медсестра смочила в растворе йода. Врач обильно смазал шов и часть трубки, а также область вокруг шва.

– Новокаин, – медсестра подала шприц, при виде которого я нервно сглотнула. Пока Геннадий Семёнович делал уколы, я лежала, вцепившись в пелёнку. Первый укол был болезненным, остальные терпимые. Последний я даже не почувствовала.

– Игла.

Врач свободными стежками прошил кожу вокруг дренажа. Натянул концы нити и передал держать подошедшей сестре. Сложил кожу вокруг дренажа в складку и, отрезав нити старого шва, быстро вынул трубку. Медсестра тут же потянула за концы нитей, стягивая кожу.

Врач забрал нити из её рук, сделал крепкий узел и наклеил поверх шва свежую медицинскую наклейку.

– Всё, можешь идти.

Я села, растерянно хлопая глазами. Как быстро всё произошло! Не так уж и страшно, зато какой опыт! Наверняка пригодится в моей будущей профессии.

Я взяла остатки рубашки и прикрылась ею, неловко ёрзая. Медсестра заметила мою растерянность.

– Что?

– Мне... Мне надеть нечего, – испытывая стыд, объяснила я.

– Ну а я что могу сделать? – возмутилась она.

Чувствуя себя одновременно обузой и неудачницей, я попробовала замотаться в тряпку, недавно ещё бывшую рубашкой. Получилось так себе.

– Выдай новую рубашку, – выходя, бросил врач.

– Сиди уж, сейчас принесу.

Она ушла, а вернулась минут через пять, держа в руках точно такую же рубашку, что была до этого на мне.

Я поблагодарила и осторожно оделась. Медсестра больше не обращала на меня внимания, занятая переключением инструмента. Я вышла и поспешила к себе. А когда вернулась, меня уже ждал сюрприз.

Моя кровать чудесным образом исчезла! Я оглянулась, предполагая найти её в другом месте. Но коридор был абсолютно чист!

В голову закралась радостная мысль, что, скорее всего, мне нашлось местечко в палате. Чуть ли не в беге я припустила к посту, выискивая Свету. На моё счастье она оказалась на месте.

Света подняла голову от бумаг и посмотрела на меня.

– А, Маш, пойдём, покажу, куда ты переехала.

Света встала из-за стола и повела меня по коридору. Остановилась возле восьмой палаты и ступила внутрь.

– Заходи. Алла Леонидовна была столь любезна, что разрешила тебе с ней палату делить.

На меня нахлынула целая лавина чувств. Но ярче всех выделялся стыд, ведь я так и не сказала Алле Леонидовне, кто же я такая!

Глава 4

Алла Леонидовна возвращать мою кровать в коридор отказалась наотрез. Я же узнала, что спорить с этой милой и доброй бабушкой – занятие не только бесполезное, а в принципе невозможное.

– Это моё последнее слово и разговор окончен, – железным голосом, не терпящем возражений, заявила она.

Я всё ж таки попыталась продолжить настаивать на своём. Успела произнести:

– А м...

Бабушка заткнула меня командирским тоном:

– Не спорить со мной! – и тут же добавила более мягко, явно желая меня отвлечь. – Лучше окно открой, а то душно в палате.

На улице шёл дождь. Едва я распахнула деревянные рамы, как в палату проник аромат свежести, бывающий только во время дождя.

Я невольно задумалась, как там Денис. Меня столько дней нет, не нашёл ли он кого другого?

В дождь нам особенно везёт. Прохожие спускаются в переходы, прячась от непогоды. Иные не торопятся возвращаться на улицы, предпочитая переждать в сухости. Это удаётся не всегда – бывает, дождь зарядит на целый день; но те минут тридцать-сорок, в течение которых люди питают надежду, они становятся очень щедрыми.

Играть приходится во всю силу своих лёгких: такую плотную толпу не переиграть иначе. Ведь нужно, чтобы музыку слышали в каждом, даже самом отдалённом уголке перехода.

– Маша, о чём задумалась? – интересуется бабушка.

Ближайший час рассказываю ей про Дениса. Там особо скрывать нечего – с интернатом он никак не связан. Вспоминаю какие-нибудь забавные истории, коих не так уж много.

Как-то мужчина подарил мне цветы. Просто так, сказал, что ему очень музыка понравилась. Красивые сезонные ромашки, которые купил тут же у бабы Клавы. Цветы, правда, пришлось отдать Денису, потому что в интернат приносить нельзя: слишком много вопросов и ненужного внимания это вызовет. Бабушке я всего, конечно, не рассказываю. Денис долго сопротивлялся, ругался, говорил, что он мужик, а не баба, но всё-таки согласился.

Однажды к нам прибился щенок. Хорошенький такой, носик горошиной, маленькие ушки ещё висят. Неделю жил в переходе, каждый день встречал нас радостным тьявканьем, а вечером провожал грустным взглядом. Как бы жаль мне ни было щенка, но взять его к себе я не могла. Я всю неделю пыталась его пристроить, предлагая каждому встречному, но щенок

никого не заинтересовал. Подходили, смотрели, даже гладили, сочувствовали, но вот чтобы взять к себе – нет и всё тут.

Судьба щенка решилась неожиданно. За неделю Денис так к нему привязался, что забрал к себе.

– Ну Машка, не дай бог, к нам ещё кто-то прибьётся, – ворчал он, обнимая пушистый комочек и пряча под куртку.

В другой раз рядом с нами остановилась девушка. Мы с Денисом играли весёлую мелодию, чтобы поднять настроение ожидающим окончания дождя. Люди собрались в круг, слушали, и даже аплодировали.

Каково было наше удивление, когда девушка вдруг стала танцевать! Да не просто так, а исполнять красивые бальные па! Народ был в восторге. Девушка оттанцевала две мелодии подряд, а потом дождь кончился, на улице выглянуло солнце и она ушла. Но в тот час мы заработали рекордную сумму, а всё благодаря девушке, которой даже спасибо сказать не успели – так быстро она смешалась с толпой.

– Ты музыку любишь, да, Маш? – спросила бабушка, когда я закончила рассказ.

– Очень.

Музыка для меня нечто большее, чем набор нот. Красивая мелодия способна задеть душу, поднять настроение или, наоборот, помочь вылить всю печаль, что скопилась в сердце. Я частенько играю в комнате на гармошке – соседка не против, ей тоже музыка нравится. А другие не слышат – я стараюсь очень тихо.

В коридоре раздалось гроыхание тележки. Я подхватила две тарелки, свою и бабушкину, и вышла за едой. Принесла ленивые голубцы, взяла две чашки и пошла за чаем.

Помогла Алле Леонидовне устроиться поудобнее и поставила ей на ноги тарелку, предварительно постелив на одеяло полотенце.

Голубцы оказались вкусными. Чай тоже ничего. Вот только у Аллы Леонидовны был плохой аппетит. Она съела половину своей порции и отставила тарелку, сказав, что наелась.

В течение дня я привыкала ухаживать за бабушкой. Самым сложным оказалось научиться правильно подавать утку. Вообще, Алла Леонидовна не хотела, чтобы я этим занималась, надеялась медсестру дожидаться. Но той так долго не было, что пришлось бабушке согласиться на мою помощь. К счастью, совместными усилиями нам удалось положить утку правильно.

Вторая половина дня прошла в заботах и праздных разговорах. Конечно, бабушка много рассказывала о Грише и Вере. Из-за подробных описаний мне стало казаться, что я давно с ними знакома. Даже любимое блюдо Гриши и то упомянула.

В её рассказах Гриша всегда представлял улыбчивым и отзывчивым человеком. Скорее всего, таким он и был – по отношению к своей бабушке. К остальным же людям молодой чело-

век относился согласно их социальному статусу, и вовсе не по-доброму, о чём довелось познать на собственной шкуре.

Вечером дверь в палату раскрылась, внеся ароматы мужских и женских духов, а следом и их владельцев: Гришу, высокого, красивого молодого человека с короткой стрижкой светло-каштановых волос и циничным взглядом карих глаз; и Веру, высокую и стройную, как тростинка, блондинку с холодными голубыми глазами и слегка насмешливой улыбкой.

Едва зайдя в палату, Гриша застыл на пороге как вкопанный.

– Не понял, – обратил он на меня возмущённый взгляд, заставив моё сердце сжаться от предчувствия надвигающейся грозы, и повернулся к приткнувшейся к его плечу Вере. – Возьми пакет. Я пойду разберусь.

И скрылся за дверью. Бабушка только успела крикнуть: «Гриша», но он уже не слышал.

Блондинка царственной походкой прошла вглубь палаты и подойдя к кровати бабушки, наклонилась поцеловать старушку в щеку. Алла Леонидовна сделала вид, что наклона Веры не заметила. Вера выпрямилась, поставила пакет на стул и посмотрела на меня своим насмешливым взглядом.

– Кого это вы уже успели приютить?

– Вера, выбирай выражения. Познакомься, девушку зовут Маша, и теперь я делю палату с ней.

Вера усмехнулась, ещё раз бросив на меня свой холодный взгляд, отчего я почувствовала себя маленькой и никчёмной.

– Ну-ну. Похоже, Грише это не очень понравилось.

– С Гришей я и сама решу, а тебя прошу не лезть, – бабушка разговаривала с Верой жёстко.

– Да мне-то что. О вас же беспокоюсь: мало ли кого к вам подселили.

– Машенька, разбери, пожалуйста, пакет. От Веры помощи не дождётся, – обратилась бабушка ко мне.

Ощущая, как трясутся ноги, я встала с кровати и подошла к стулу с обратной от Веры стороны – со стороны спинки. Мне совсем не хотелось быть причиной ссоры семьи, поэтому хоть я и выполнила просьбу бабушки, но старалась как можно меньше привлекать к себе внимание. Вера и не подумала отодвинуться, стояла и смотрела, как я выкладываю фрукты и печенье и отношу к бабушке в тумбочку.

– Зря вы так, – задумчиво проговорила Вера, продолжая разглядывать меня. – Я бы с удовольствием помогла, вы мне просто шанса не даёте.

Я обходила Веру, стараясь не делать сильных вдохов. В носу так и щекотало, на глазах выступали слёзы. Аллергия давала о себе знать. От полного расклеивания спасало открытое окно.

Дверь в палату снова распахнулась; Гриша вошёл и округлил глаза, увидев, что я разбираю пакет.

– Нормально, – усмехнулся он. – А это для тебя, что ли?

Я испуганно обернулась. Меньше всего мне хотелось, чтобы меня обвинили в воровстве.

– Я просто... – попыталась я оправдаться, как вмешалась бабушка.

– Гриша, что ты устраиваешь! – сердито крикнула она. – Отстань от девушки.

– Я хочу понять, что происходит. Кто эта барышня, по какому праву она здесь и почему копается в чужом пакете, – он с подозрением уставился на меня, особое внимание уделяя моему синяку под глазом. Под его взглядом я сжалась, стараясь отвернуться, спрятать уродский синяк. Он заметил мой неловкий жест и презрительно усмехнулся, заставляя чувствовать себя ещё хуже.

В палату зашла медсестра Света. Похоже, она услышала последнее предложение Гриши, потому что прямо с порога зло крикнула:

– Сироткина! Ты что, за воровство принялась?!

От ужаса я округлила глаза. От осознания, что вот сейчас меня обвинят в воровстве и выставят с позором, сердце испуганно сжималось. Мысль, что Алла Леонидовна отвернётся от меня, причиняла боль и я с трудом сдерживала слёзы.

– Ой, нет!

– А она ещё и ворует? – так, словно нисколько в этом не сомневался, и только ждал момента поймать меня за руку, притворно удивился Гриша.

– Успокоились все немедленно! – жёстко приказала Алла Леонидовна. Окружающие перевели взгляд на бабушку, покорно замолкая. – Света, извините, что вас побеспокоили. Мой внук слишком переживает за меня, оттого побежал к вам, не разобравшись в ситуации.

– Так значит, я могу идти? – с облегчением спросила Света. Разгрести этот скандал ей совсем не улыбалось.

– Идите, милочка. Идите и занимайтесь своими делами, – отправила её бабушка.

Я испуганно стояла возле окна, теперь точно осознавая, что ничего хорошего из затей Аллы Леонидовны не выйдет. Гриша то и дело бросал на меня убийственные взгляды, заставляя чувствовать себя никчёмной обузой. В эту минуту я жалела, что не настояла вернуть мою кровать в коридор, ведь тогда и не было бы скандала.

– Расскажи нам, кто ты такая? – обратилась ко мне Вера. Она так искренне улыбнулась, что я даже поверила в её интерес.

– Сирота из детского дома, – с насмешкой за меня ответил Гриша.

– Не может быть! – с притворным ужасом уставилась на меня Вера. Но ужас в её глазах тут же сменился презрением. – То-то смотрю, и раскраска какая-то странная, боевая. – Видимо, стараясь задеть меня побольнее, пошутила она.

От её слов я будто вижу себя со стороны: жалкая, тощая девчонка, с растрёпанными волосами, вся в синяках и в тонкой чуть ли не прозрачной ночнушке, глядя на которую любой дурак понимает – она больничная, а своего у меня ничего нет.

Мой взгляд против воли метнулся к Алле Леонидовне: как она отреагировала? Я ведь ей так и не сказала! Хотя надо было, раз уж я здесь, но я так и не решилась, о чём в эту минуту пожалела. Вполне возможно, что Алла Леонидовна обидится на моё недоверие и будет права. Человек со всей душой ко мне, а я получается обманула.

Бабушка и ухом не повела; не удивилась, не выглядела ошеломлённой. Вместо этого повернулась ко мне и мягко попросила подождать за дверью, пока она поговорит с Гришей.

Я вышла под злые взгляды Веры и Гриши. Прикрыла дверь и прислонилась к стене рядом с косяком. Только оказавшись в стороне от едких взглядов, осознала, как сильно испугалась их. Меня трясло так, что я всерьёз обеспокоилась, как бы в палате не услышали стук в стену.

Не успела я перевести дыхание, как следом за мной вышла Вера. Она смерила меня презрительным взглядом, но ничего не сказав, ушла дальше по коридору. Потом я узнала, что бабушка спровадила её в аптеку.

Так как я стояла возле дверей, то слишком хорошо слышала разговор между Аллой Леонидовной и её внуком. Стоило мне выйти, как Гриша сменил тон и теперь общался вежливо, даже нежно.

– Бабушка, неужели ты не понимаешь, что заводить знакомства абы с кем добром не кончится?

Интонации бабушки тоже изменились с командных на покровительственные.

– Гриш, я понимаю, что ты заботишься обо мне, но я человек взрослый и сама могу решать, с кем мне общаться, а с кем нет.

– Я не понимаю. Ты не знаешь, что интернатовские дети ловко добиваются доверия, а потом враз обчищают карманы. Не знаешь разве?

– И вовсе не всё. Такие же дети, как другие, только со сложной судьбой.

– Ты её хорошо разглядела? Это ж какие такие дети устраивают подобные драки?! – повысил голос Гриша.

– Хм... С чего ты решил, что была драка? – заинтересовалась бабушка.

– У медсестры спросил, почему девушка такая разукрашенная, – раздражённо ответил внук.

– Девочка сказала, что упала с лестницы, – задумчиво проговорила Алла Леонидовна.

– Девочка, – насмешливо бросил Гриша. – Видишь, эта двуличная особа уже обманула тебя. Пока не поздно, верни её туда, откуда взяла.

– Гриша, подожди горячиться, – осадил Алла Леонидовна внука. – Ты не подумал, что двуличной особе, как ты изволил выразиться, просто стыдно сообщать о драке? Да и что это за драка, в которой можно так пострадать. Это избиение какое-то!

– Бабушка, – с нажимом сказал Гриша. – Повторяю: она из детского дома. Это значит, что ей не привили какие-то моральные принципы, и уж тем более, хорошие манеры. Отброс общества, понимаешь? – Горячился внук.

Я слушала, желая уйти и не могла. Было горько осознавать, что люди склонны оценивать по сложившемуся стереотипу. Но как бы сильно в эту минуту я ненавидела Гришу, следовало признать, что кое в чём он прав: сироты в самом деле отбросы общества. Не нужны даже собственным родителям, что уж говорить про других людей.

Ежедневно вынужденные конкурировать друг с другом за еду и толику внимания со стороны взрослых, мы волей-неволей учимся жестокости.

И всё же, далеко не все оказываются беспринципными личностями. Нередко среди нас попадаются и хорошие дети, вынужденные прикидываться волками, чтобы выжить.

– Гриша, сейчас мне кажется, что это у тебя отсутствуют моральные принципы и воспитание, – устало сказала Алла Леонидовна. – Я начинаю уставать от этого разговора, тем более что результат нулевой. Я взрослая и я решаю, общаться мне с девочкой или нет.

– Ещё один вопрос. Она сама оплачивает половину палаты? – с издёвкой спросил Гриша.

– Нет, Гриша. За палату заплатишь ты из тех денег, что я оставила тебе в наследство, – категорично заявила Алла Леонидовна.

– Про наследство ничего и слышать не хочу. Ты пока нестарая, жить и жить, и наследство мне не нужно, – скрывая за грубостью беспокойство, возмутился Гриша.

– И тем не менее, – настаивала бабушка.

– Черт-те что! – ругнулся внук капитулируя.

– Да, Гриша, и ещё. Извинись перед девочкой.

– Прости, бабушка, но этого я делать не буду.

– Подслушиваем? – приподняла брови в лёгком удивлении Вера. Я и не заметила, как она подошла.

Отвечать я не стала. Оправдываться – дело бесполезное, только дать ей лишний повод высмеять меня. А больше мне и сказать нечего: она права.

Хлопнула дверь совсем рядом с ухом и из палаты вылетел взбешённый внук. Из-за Веры я не услышала последнюю реплику бабушки, которая, по всей видимости, и рассердила Гришу.

Он посмотрел на меня сквозь прищур злых глаз. Осторожно прикрыл за собой дверь и тут же прижал меня к стене своим мощным телом, сжав руку у меня на горле. В нос ударил мужской парфюм, щекоча ноздри. Голова моментально закружилась, из глаз потекли слёзы, от аллергии и от боли.

– Послушай сюда, овца, – с ошеломляющей ненавистью выдохнул он слова мне в лицо. Стараясь, чтобы Гриша не задушил меня, я привстала на цыпочки, надеясь тем самым ослабить хватку на горле. Лёгким не хватало воздуха, а сломанные рёбра под его весом снова заболели, как и несколько дней назад. – Бабушку ты одурачила. Но не меня. Не дай бог, бабушка хоть чуть-чуть разочаруется – тебе несдобровать. Поняла? – Угрожающе произнёс он.

Я кивнула. Но Грише показалось этого мало. Он чуть сильнее надавил пальцами на горло, вжимая меня в стену.

– Я спрашиваю, поняла?

– П.. По.. няла, – с трудом прохрипела я. От раздражающего запаха и боли в голове совсем помутилось. Я почувствовала, как сознание уплывает, когда Гриша меня, наконец, отпустил.

Я не сдержалась и закашляла, причиняя боль травмированным рёбрам.

– Тьфу, гадость какая, – брезгливо скривился Гриша и отскочил от меня, как от прокажённой. Но мне сразу же стало легче дышать.

– Пока, овца, – с довольной улыбкой помахала мне Вера, беря суженного под руку.

По коридору он раздражённо летел и ей, несмотря на свой рост, пришлось приложить видимые усилия, чтобы не отстать.

Глава 5

Гриша

Первое, что я увидел – её огромные зелёные глаза; взгляд на лице совсем ещё подростка испуганный и одновременно не по-детски серьёзный. Слишком тяжелый, такой нечасто встретишь и у взрослого, много повидавший на своём недлинном пути. Это был парадокс, который встречался у людей с покалеченной судьбой, невольно заставляя задумываться о перипетиях их жизни.

Наш контакт глазами длится не более пары секунд, но за это время я словно окунулся в другую жизнь; разом провалился в пропасть её души, где на самом дне различил следы несправедливости других людей, часто наносящие ей обиду и вечный страх, являющийся верным спутником обездоленных, сблизиться с каким-либо другим человеком. Там было что-то ещё, но чувствуя, как меня засасывает в этот омут, я усилием воли отвёл взгляд.

Едва вынырнув на поверхность, я и сам ощутил испуг – за короткий миг прочувствовал её эмоции, как собственные. Именно это и было страшно: тот водоворот горечи и разочарований, что захлестнул меня всего секунду назад и теперь ещё отдавался в теле гулким сердцем, мне вдруг показался знаком.

Едва я перевёл взгляд, как в голове появились вопросы: кто она? Что делает здесь, с бабушкой? Почему тут стояла вторая кровать, когда я точно помню, что палата одноместная?!

Вера подтолкнула меня в плечо и я, ощущая поднимающееся раздражение на персонал больницы, посмеявшийся в одноместную палату запихнуть вторую кровать, сунул ей пакет, буркнув, что мне нужно кое-что выяснить.

Медсестра на посту вежливо сообщила, что девушку зовут Маша, что она сирота из детского дома, попавшая в больницу после избиения; что бабушка прониклась к девушке настолько, что забрала её к себе в палату из коридора, где она лежала до этого.

Я вспомнил, как несколько дней назад проходил мимо одинокой кровати, стоящей в коридоре. Но я не обратил внимание на человека, её занимающего, мне было не до этого: бабушка неудачно сломала ногу, ей нужна операция, которая откладывается из-за отёка ноги, и теперь она вынуждена лежать в этой нищей больнице, потому что её нельзя оставлять без растяжки.

Я готов был пойти на какие угодно затраты, лишь бы перевезти бабушку в условия, подходящие ей. Туда, где за ней будет должный уход, где врачи исключительно высокой квалификации, а питание человеческое. В конце концов работники скорой и должны были её туда отвезти, ведь у неё страховка, оформленная отцом на всю нашу семью!

Проблема в том, что бабушка не взяла с собой на прогулку документы. Только паспорт, спасибо и на этом, а то отвезли бы в какой-нибудь бомжатник.

Не вмешайся бабушка, и мне удалось бы настоять на своём и осуществить её перевозку. Но она остановила меня, твёрдо решив остаться в этой больнице.

А теперь вот я узнаю, что бабуля очарована жалкой мордочкой сиротки и даже взяла под своё крыло!

Я вернулся в палату, намереваясь решительно поговорить с бабушкой. Конечно, ей одиноко здесь и не хватает общения, но сирота – не самый лучший выбор. За жалкими мордочками беспризорников, как правило, скрываются пронырливые и расчётливые ворюги, с раннего детства умеющие втираться в доверие. Таких «милах», оборванных и грязных, полно вечерами на улицах. Они всегда выбирают места массового скопления людей, чтобы незаметно красться в толпе, обчищая карманы, и делают это крайне ловко, не разбираясь, кто перед ними – состоятельный человек или нет. Тащат всё подряд, до чего достанут. Мелкие безжалостные крысята.

Открыл дверь, и от увиденной картины меня буквально захлестнула волна гнева. Вообще-то, по здравому размышлению, ничего плохого девушка не сделала. Но это позже, а в тот момент я практически почувствовал, что поймал ворюгу за руку.

– Нормально. А это для тебя, что ли?

Девушка замерла над пакетом, тараща на меня свои большие испуганные глаза. Я же молча разглядывал её, ощущая презрение каждой клеточкой тела. Не ухожена, не воспитана, ещё и задира. Фингал под правым глазом, спутанные тёмные волосы, синюшные тощие руки. На тело надета длинная тонкая сорочка, не особенно скрывающая упругую грудь небольшого размера и округлые бёдра. Но вот синяки от побоев, которые скорее всего, имелись под сорочкой, ткань прятала хорошо.

К презрению примешивалась жалость, но ровно до тех пор, пока меня не осенило: скорее всего, во всем виноваты наркотики.

Девчонка откровенно тощая. Ну точно, на игле. Под тёмными следами побоев с моего места видно не было, в каком состоянии её вены. Впрочем, это неважно, потому что я в своих выводах не сомневался. Наверняка в этом тщедушном теле скрывался клубок омерзительных болезней. Успокаивая себя, я всё же решил: ее заболевания вряд ли передаются воздушно-капельным путём, иначе девушку отвезли бы в инфекционную больницу. Но вот СПИД вполне может быть.

В тот день бабушка потребовала от меня отстать от девушки. Доводы мои слушать не стала, сославшись на опыт своих лет. Я же по-настоящему испугался: неизвестно чего ждать от такого соседства. Как бы бабушка не пострадала.

Мы поговорили, но как это часто бывает, когда старушке приходит очередная идея в голову, спорить оказалось бесполезно. Несмотря на добрые глаза и мягкую улыбку, характер у старушки железный.

Я покинул палату, едва сдерживая злость на бабушку за её непроходимое упрямство. Собирался хлопнуть дверью, как наткнулся на сиротливую мордочку со взглядом побитой собаки. Этот её чёртов взгляд, проникающий в самую душу, заставил почувствовать себя под-

лицом за удачу родиться в полноценной семье. Вот, вообще, ерунда полная, моей-то вины в этом нет. Так какое право имела она обвинять меня?!

Злость требовала выхода, и я прижал девчонку к стене, стараясь не раздавить. Её лицо оказалось в сантиметре от моего, и всего на секунду я опешил, разглядывая чистую кожу без изъянов. Как-то это не вяжется с образом наркоманки. Может, только начала?

Ощутил, как под рукой, что лежала на горле беспризорницы, бился пульс: часто и быстро, словно сердце испуганной пичуги. В больших глазах, опущённых густыми ресницами, застыл страх и почему-то её вид побитого щенка привёл меня в неописуемую ярость. Хотелось крушить и ломать, и наверное, поэтому я сказал злые слова. Не замечая усилий от бушевавшей внутри ярости, сжал тонкую шею, пока девчонка вдруг не захрипела. Отскочил в страхе, в ужасе от собственных эмоций, что едва не прибил эту мелочь, и стараясь, чтобы ни Вера, ни девчонка не заметили смятения, надел на лицо маску презрения.

– Фу, гадость какая.

Развернулся и стремительно пошёл, не дожидаясь Веры. Она всё же догнала и прицепилась за руку, чтобы не отстать. Темп был слишком быстрым, но я не обращал внимания, испытывая стойкое желание убежать как можно дальше.

Маша

Зайти в палату было боязно. Теперь, когда агрессоры ушли, а страх потихоньку отпускал, внутри меня проявилось другое чувство. Чувство острого сожаления, что не поговорила с Аллой Леонидовной раньше. Сейчас уже поздно; она наверняка не захочет разговаривать. Алла Леонидовна хороший человек; вряд ли она отвернулась бы от меня, узнав правду. Но ведь сделанного не воротишь.

Стоять в коридоре вечно, прижавшись к двери, я не могла. Мне следовало решиться и встретиться с разочарованным во мне взглядом Аллы Леонидовны. И лучше не затягивать. Я сделала максимально глубокий вдох – несчастные рёбра тут же заныли – и с выдохом потянула ручку двери на себя.

– Алла Леонидовна... – зашла, опустив глаза в пол. Стыдно. – Простите меня, я вам соврала...

– Машенька, давай поговорим, – в голосе Аллы Леонидовны неожиданно прозвучали мягкие интонации.

Я подняла удивлённый взгляд. Бабушка смотрела на меня по-доброму, даже ласково. Совершенно не понимая, чем заслужила такое хорошее отношение, я растерянно молчала.

– Пройди и присядь, – Алла Леонидовна указала на кровать рядом с собой.

Я покорно села к ней в ноги, не понимая, чего ждать.

– Извиняться нужно мне – за внука. Как я говорила, Гриша судит людей слишком поверхностно, опираясь на стереотипы. К тому же у него не самое лучшее воспитание. Что отец, что мать вечно заняты собой, своими проблемами, некогда им было о сыне думать. Дети всегда берут пример с родителей – вот и вырос беспринципный циник. Но Маша, я прошу тебя не обращать на него внимания, Гриша побесится и через пару дней смирится.

Я почувствовала, как внутри меня развязался тугой клубок нервов, в который я успела превратиться, стоило Грише зайти в палату. Неожиданная доброта Аллы Леонидовны пролилась бальзамом на измученную страхом и вечными разочарованиями душу, отчего я оказалась не в силах обуздать подступившие слёзы. Рыдания прорвались наружу, обильным потоком сметая выдержку, словно воды бурной реки – старую запруду.

– Девочка моя, ну что ты! Расстроилась из-за Гриши? Да ну его, плюнуть и растоптать! Побесится и успокоится! – Обняла меня бабушка.

Я отрицательно покачала головой.

– А почему тогда ты плачешь? – с ласковым удивлением в голосе спросила Алла Леонидовна и погладила меня по руке.

– Думала... Думала, вы обиделись или рассердились на меня, – сквозь всхлипы выговорила я: слова давались с трудом.

– Да было бы из-за чего! – изумлённо вскрикнула Алла Леонидовна.

– Что не сказала вам, что я из детского дома, – ещё один всхлип.

– Маша, неужели ты думала, что я этого не знаю? – округлила глаза бабушка. – Но это же не секрет. Я в первый вечер о тебе спросила у медсестры.

Я слушала, вытирая сопли рукавом и старалась успокоиться. Оказывается, мои страхи были напрасны. Если бы я сразу призналась, то уже знала бы об этом.

– Главное, Маша, это не отсутствие или наличие родителей. Главное – это ты, то что в тебе заложено. Я вижу, ты девочка добрая, умная. А воспитание, оно на то и воспитание, что его, как и образование, можно получить в любом возрасте.

От слов Аллы Леонидовны на душе потеплело. Слезы текли уже не так обильно, как минуту назад, но успокоиться окончательно я всё ещё не могла. Так и всхлипывала, роняя одинокие слезинки.

– Гриша и Вера будут приходить, тут никуда не денешься. Но постарайся их не слушать, помни: я не считаю суждения Гриши о людях правильными. Ну а Вера, – Алла Леонидовна презрительно скривила губы, – мерзкая холодная рыбина. Ещё и ершистая.

Сравнение оказалось настолько удачным, что я невольно улыбнулась.

– Вот так уже лучше, – похвалила Алла Леонидовна. – Вера – это выбор Гриши, ему с ней и мучиться. Правда?

Я кивнула, вытирая последние слёзы. Конечно, угрозы Гриши не забудутся и со временем, более того, я догадывалась, что он постарается злословить в мой адрес при каждой встрече. Но главное, чего не случится, и теперь я в этом уверена – отношение Аллы Леонидовны не изменится ко мне из-за моего социального статуса. А остальное действительно можно пережить.

Скоро пришёл вечер. Медсестра делала последний обход, раздавая ночные лекарства, и выключила в коридоре основной свет, оставляя дежурный.

Наша дверь открылась и в палату заглянула Света.

– Как у вас тут, всё хорошо?

– У нас всё просто отлично, – ответила Алла Леонидовна за нас обеих.

– Очень хорошо, – — Света подошла к тумбочке и поставила на неё два маленьких пластиковых стаканчика.

– Ваши лекарства.

– Спасибо, Светочка, – благодарно улыбнулась Алла Леонидовна.

– Спокойной ночи, – выходя, пожелала нам Света.

Я налила в кружки воды из бутылки, что сегодня принёс Гриша. Подала Алле Леонидовне её лекарства, держа наготове кружку. Она положила в рот две таблетки, запила их водой.

– Спасибо, Маша.

Я съела свои обезболивающее и антибиотик, также запивая. Вернула чашку на тумбочку, поправила у Аллы Леонидовны подушку и одеяло, помогая ей устроиться на ночь. Выключила в нашей палате свет и залезла в кровать, спрятавшись под одеялом.

Спать в палате оказалось очень хорошо. Глаза не раздражал горящий ночью напролёт свет, не мешали шаркающие по коридору шаги медсёстры. Сквозь приоткрытую форточку в палату залетал свежий ночной воздух, даря облегчение моим измученным лёгким. Я устроилась поудобнее на спине, закрыла глаза и даже не заметила, как заснула.

Гриша

Девчонка не выходила у меня из головы.

Злость вроде как унялась, и почувствовав себя лучше, я повёл Веру в ресторан: после пережитых эмоций есть хотелось, словно я только с голодного острова. Я пожирал мясо, чувствуя раздражение от косых взглядов Веры. Она мясо не ест, харчит салатик, запивая водичкой.

– Что хорошего в твоём мясе? – спросила с укором.

– Что хорошего в твоём салате?

– Отсутствие калорий и большой набор витаминов, – просветила меня довольным тоном.

– Мне калории не страшны, а витамины и в мясе есть.

– А ещё там есть остатки тех препаратов, которыми кормили скот, чтоб заразы не было.

Снова ощутил, как поднялась волна раздражения. Ну и денёк! По-моему, все участники этого дня решили посоревноваться, кто быстрее выведет Григория Соболя из себя. Даже не знаю, кому приз отдать...

Интересно, девчонка из интерната тоже исключительно салатика хомячила? Может, поэтому такая тощая? И парню своему небось рассказывала о вреде мяса на организм. Наверно, ведь все девчонки одинаковы.

– А ты бы попробовал, – бесстрашно продолжала Вера. – Без мяса вполне можно обойтись, зато когда я перестала его употреблять, в теле появилась такая лёгкость.

– Ну и на хера мне эта лёгкость? Чтоб ветром сносило?

Вера обиженно надула губки.

– Я серьёзно с тобой говорю, а ты шутишь, да ещё так... глупо.

Я устало откинулся на спинку дивана. Ну вот как так у девушек получается: капала мне на мозг, а теперь я ещё и виноват. Я был несогласен и исключительно в качестве протеста набрал номер Витьки. Вера молча, но с беспокойством наблюдала за моими действиями.

– Привет, друг.

– Здорово, Гриш. Что-то срочное? – на заднем фоне послышался довольный женский смех. Похоже, я не вовремя.

– Чёрт, чувак, настроение – полный отстой. Надеюсь, у тебя есть план на вечер.

Вера возмущённо ахнула. Витька обожал ходить в клубы. А Вера считала такой вид развлечений плебейским, предпочитая музеи и театры.

– Был план зарулить в «Преисподнюю». А чего, хочешь присоединиться?

Витька торчал в клубе все выходные. Я со своей занятостью при всём желании не мог поддерживать такой напряжённый график развлечений.

– Именно. Настроение говно, надеялся развеяться...

– Какого чёрта? – гневно прошептала Вера. – Мы же договаривались!

Ах да, я тут же вспомнил, что мы собирались в театр на вечерний спектакль, не помню какой. Я и раньше-то с трудом переваривал театр, но высидеть сегодня будет равняться смерти. Мне хотелось выпить и желательнее, в компании надёжных друзей, а не Веры.

– Развеем! – сказал Витька, уже одним этим вселяя в меня оптимизм и желание поскорее встретить вечер. – Ну так чего, до связи?

– Да, друг, до вечера.

Я нажал отбой под разъярённым взглядом Веры.

– И как это понимать?

– Извини, Вера, но в театр без меня – мне нехорошо.

– Настолько нехорошо, что ты собираешься в клуб? – иронично выгнула она тонкую бровь.

– Именно, – не стал я спорить.

– А давай иди! А я позвоню Пегаеву – он наверняка не откажет мне и с удовольствием сходит со мной в театр.

Против Пегаева, заменяющего меня в театрах, я ничего не имел. О чём Вере и сообщил. Её глаза зло засверкали из-под неестественно длинных ресниц.

– А не пожалеешь? – прищурила девушка сердитые глаза.

– Только рад буду, – сделал я вид, что не понял её намёков.

Я отвёз рассерженную Веру к её подруге и вернулся домой. Красивый особняк на окраине города, три этажа, на заднем дворе бассейн. Зал с тренажёрами, сауна. Верхний этаж, под самой крышей – комнаты для прислуги. Из постоянных у нас работали кухарка, экономка, садовник и две девушки в качестве уборщиц. Второй этаж – спальни. На первом этаже гостиная, столовая, кухня, мини-бар, небольшой кинозал – отец любит ретрокино и когда-то давно они с мамой коротали вечера в этом зале; терраса с выходом к бассейну – а эту часть дома обо-жал я. Единственное моё сожаление – отсутствие тёплой части бассейна для купаний в холодное время года. Но переделывать дом отец отказался, сообщив, что лично его всё устраивает.

– Построй свой дом по своему вкусу, – бросил он мне в ответ на моё предложение утеплить террасу и провести туда часть бассейна. Так-то оно так, только на хера мне свой дом, если и квартира часто стояла пустая?

Перед домом был разбит сад – тут росли розы, а в деревянных кадучках сидели красно-жёлтые, согласно сезону, гномы в смешных колпаках – так проявилась мамина любовь к известной сказке «Белоснежка и семь гномов». Цокольный этаж – парковочные места для машин.

В гараже стоял мой Лексус. Феррари Калифорния Т стояла на подземном паркинге квартиры. Ещё здесь две машины отца: рабочий Ленд Ровер и Ауди А3 Кабрио для вечерних прогулок. Мама сама водить не умела и просила либо отца, либо пользовалась услугами такси.

Дом встретил тишиной. Отец в офисе, а мать, скорее всего, в салоне или в модном тренажёрном зале. Промучившись полчаса в одиночестве, я сел в машину и поехал колесить по городу.

Несколько часов ожидания тянулись слишком медленно. Я гулял по набережной, любуясь зеркальной гладью воды, а взгляд то и дело скользил по толпе, словно выискивал кого-то...

Я в раздражении вернулся в машину. Да что со мной такое?!

Но чем ближе вечер, тем легче становилось у меня на душе. Хотелось, как в старые добрые времена, напиться с друзьями, подцепить какую-нибудь красотку, согласную на одну ночь и завалиться в квартиру. От предвкушения долгожданной встречи я нетерпеливо стучал пальцами по рулю. Из динамиков в салон лилась чудесная музыка и я всё веселее подпевал куплеты. И совсем скоро меня охватило приятное волнение.

Когда улицы родного города осветились уличными фонарями, я вырулил на парковку самого крутого клуба, параллельно набирая номер Витьки.

– Привет, друг. Ты где?

– Гриш, мы с Глебом уже у входа. Только тебя ждём!

На заднем фоне услышал бой динамиков, звонкие женские голоса, с возмущением требующие пропустить королев Африканских степей, сердитый окрик охранника, указывающий, что малолеткам в клубе делать нечего.

– Я уже паркуюсь.

Отключил телефон и подъехал к шлагбауму. Парковка закрыта, действует только для посетителей клуба. Пропуском служила дорогая машина: место элитное и абы кто внутрь не проникнет. Если вы приехали на старом Мерсе, то смело проезжайте мимо.

Шлагбаум поднялся, пропуская меня занять место среди Инфинити и Феррари.

Припарковав машину, направился к центральному входу. Можно было зайти с парковки, но Глеб и Витек ждали за углом.

– Привет, дружище. Давно не виделись, – обнял меня Витька. – Как дела?

– Всё путём! – преувеличенно громко ответил я, не справившись с эмоциями. – Ну что, заходим?

Длинный коридор очереди нас не интересовал. Нам даже документы предъявлять не нужно: Витька – резидент, его отец-политик соучредитель клуба.

– Подождите, – взгляд Витьки скользнул по очереди и остановился на красотке. – Прихватчу девчонку. Эй, девушка!

В толпе произошло оживление. В радиусе пяти метров, куда пришёлся взгляд Витьки, барышни оглянулись друг на друга, в душе надеясь, что парень обращался именно к ней. Витька недовольно мотнул головой, понимая свою ошибку, и подошёл вплотную к бархатному ограждению.

– Привет! Тебя как зовут? – улыбнулся он понравившейся девчонки. От внезапных перспектив девушка потеряла дар речи.

– Лариса её зовут, – пришла на помощь подруга.

– Пойдёшь со мной?

– Д... да, – ошарашенно, всё ещё не веря своему счастью, кивнула девушка. И вдруг торопливо. – Только я не одна!

Витьке приветливо махнули руками ещё три девчонки.

– А, ну не вопрос. Давайте сюда.

Девчонки не сдержали счастливого: «Ехууу» и спешно перелезли через красный канат. В толпе раздались возмущённые голоса, настойчиво требующие от охраны не пускать наглецов.

– Ничего не могу поделать! – крикнул в толпу охранник. – Резиденты имеют право. – И без разговоров открыл нам дверь.

Внутри было шумно и уже достаточно тесно. Музыка на танцполе орала на всю катушку, яркие огни стробоскопа и колонченджеров выхватывали из непрерывного потока движений одно и останавливали его на доли секунд.

Мы прошли за VIP зону, расселись на кожаных диванах. Подошла официантка, приняла заказ: мужчинам Macallan Fine Oak двенадцатилетней выдержки, что припасён специально для VIP-персон, девочкам сладкие коктейли.

– Что за праздник? – неожиданно раздалось громкое над ухом.

К нашему столу подошёл Пашка. Как всегда, он был немногословен и с ухмылкой на лице. Мы вскочили все втроём обнимать друга. Пашка только что женился. Молодая супруга – красивая и умная девчонка, наверное, поэтому не запрещала мужу порой отдыхать с друзьями.

Впрочем, ей бояться нечего: Пашка человек надёжный и ответственный. Он бы не женился, если бы его интересовали другие девочки.

– Привет, друган! Как отдохнули? – спросил я.

Паша и Света на целый месяц уезжали в путешествие. Начинили с Бали, а дальнейший маршрут собирались проложить, вволю накупавшись в море. Пашка стоял, сверкая белозубой ухмылкой на загорелом лице. Видимо, путешествие приходилось на солнечные страны.

– Отлично!

Мы расселись обратно, и Паша повторил вопрос.

– Хандра у нас, – ответил Глеб за всех: похоже, Витька уже успел рассказать про мой звонок. – Обычная осенняя хандра.

– Да ладно, вот я не понимаю, чего хандрить-то? – посетовал Витька. – Девчонок, что ли, мало?

Витьке девчонки не давали покоя ни днём, ни ночью. В том смысле, что не выходили из его головы. Он был самым настоящим Казановой. Вот и сейчас страстно заглядывал новой подружке в глаза, поглаживая спину девушки.

– Ничего ты не понимаешь! – Глеб был очень чутким. Для него проблемы друзей – не пустой звук. Возможно, сам он никогда и не хандрил, но за друзей переживал. – Не любим мы осень.

– Ну а кто её любит? – не сдавался Витька.

– Есть любители, – усмехнулся Паша, имея в виду себя.

– Так, любители хандры, то есть осени, – Витька уверенным жестом открыл бутылку и разлил напиток по роксам. – Предлагаю выпить, а иначе для чего мы сюда пришли?

Все согласились и выпили. От хандры и осени разговор перешёл на тему отдыха, и мы дружно стали выяснять у Паши, где они со Светой были, что видели. Девчонки преимущественно молчали, всё больше налегая на коктейли, и слушая удивительные рассказы. Мы же за разговорами не заметили, как выпили бутылку, и тут же приговорили вторую.

Витя позвал подружку на танцпол. Я проводил их туманным взглядом и замер, чувствуя, как сердце пропустило удар. Вот только что луч лазера выхватил из толпы знакомые зелёные глаза!

Я вскочил, повергая друзей в шок и перепрыгнув ограждение, понесся туда, где видел Машу. Какого чёрта она была здесь, если должна быть в больнице?!

И уже в толпе до меня дошло, что в этом клубе её не могло быть вообще, так как сюда нищих не пускали!

Глава 6

Маша

Утром я проснулась от свежего осеннего воздуха, задувающего в палату через открытое окно. Так как сплю я полусидя, – согласно рекомендации врачей изголовье моей кровати значительно приподнято – то ночью одеяло с меня сползло. И теперь я дрожала от холода, что причиняло ноющую боль сломанным рёбрам. Я поскорее натянула одеяло, чувствуя, как тепло укутывает меня, обволакивает, словно спасительный кокон, касается прохладной кожи и согревает её. Зябко содрогнувшись в последний раз, сладко зевнула. Повернула голову в сторону Аллы Леонидовны и обнаружила, что её одеяло практически упало на пол.

Я поднялась с кровати, осязая, как под тонкую сорочку тут же пробрался холодный ветерок. Резиновые тапочки, по-видимому, приехавшие в больницу вместе со мной, я надевать не стала – чтобы не будить бабушку шарканьем. Ступни опустились на выстуженный пол, заставляя меня рефлекторно встать на носочки.

В несколько тихих шагов я подошла к кровати Аллы Леонидовны. Приподняла одеяло и аккуратно разложила его. Подошла к окну и прикрыла форточку. И едва вернулась в постель, как в палату заглянула Света.

Стремительными, но бесшумными шагами, она подошла к тумбочке; оставила два новых стаканчика с лекарством и забрала вчерашние таблетницы.

– Сироткина, сразу после завтрака пойдёшь на лечебную физкультуру, – прошептала Света.

– А где это? – также шёпотом уточнила я.

– Подойдёшь ко мне, я объясню, – она развернулась и пошла к выходу. Тихонько открыла дверь и вышла в коридор.

Алла Леонидовна проснулась под самый завтрак. К этому моменту я успела собрать посуду и помыть в раковине туалетной комнаты.

Для разнообразия на завтрак подавали манную кашу, подслащённую несколькими ягодами варенья, неизменный кусок булочки с маслом и чай. С утра аппетит у Аллы Леонидовны был значительно лучше, чем вчера: она съела полную тарелку каши и выпила чай. Правда, булочку отдала мне.

После еды я смочила Алле Леонидовне полотенце, чтобы она могла протереть лицо и руки и подала ей зубную щётку с пастой.

бабушка разрешила мне пользоваться её зубной пастой, так как своей у меня не было. До этого момента я спасалась тем, что как можно чаще полоскала рот водой, даже уже не надеясь вернуть ощущение свежести. Теперь я растёрла пасту пальцем по зубам и интенсивно прополоскала рот. Получилось не идеально, но лучше, чем раньше.

Убедившись, что у бабушки есть всё необходимое на ближайший час, я отправилась на поиски Светы. Медсестру нашла в соседней палате – она ставила капельницу женщине с переломом ноги. Заметив меня, Света кивнула, давая понять, что скоро подойдёт; я же вернулась на пост.

Света подошла через пару минут и объяснила, как найти кабинет лечебной физкультуры. В этот раз провожать не стала – слишком много пациентов требовали её внимания.

Нужный кабинет нашёлся не сразу. Минут двадцать я плутала по коридорам и переходам, не понимая, куда идти. Указатели совсем не помогали – они встретились два раза и кабинет ЛФК на них обозначен не был. Потребовалось остановить пробегающую мимо медсестру, чтобы скорректировать маршрут.

Пару раз пришлось спуститься по лестнице и подняться. По ступеням я пока поднималась медленно, так как лёгким из-за увеличившейся нагрузки требовалось значительно больше воздуха. Каждый глубокий вдох всё ещё причинял боль.

Несмотря на название, этот кабинет меньше всего напоминал кабинет; он был похож на спортзал, только меньшего размера: вдоль одной стены стояли тренажёры, по другой – висел турник, в углах на резиновых ковриках лежали мячи от мала до велика.

Мои упражнения проходили в положении сидя и были ориентированы на восстановление глубокого дыхания. Эльвира Викторовна – женщина за сорок с тёмными волосами, подстриженными в каре и круглым лицом – все упражнения показывала на себе. К физкультуре врач относилась с большой любовью, всё время рассказывая про пользу занятий. Сорок пять минут пролетели незаметно. Даже жаль было покидать этот островок спокойствия и безопасности. Следующее занятие возможно только через день.

На обратном пути меня остановила Света. Она раскладывала по таблетницам порции лекарств, когда я проходила мимо.

– Маша, что там вчера произошло? – строгим голосом поинтересовалась она.

Не было надобности уточнять, что медсестра имела в виду. Несколько секунд я молчала раздумывая. С одной стороны, начни я рассказывать Свете подробности вчерашнего инцидента – окажусь сплетницей. Вчерашний скандал – дело Аллы Леонидовны и Гриши. Бабушка не стала посвятить Свету, не думаю, что она захочет сделать это сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.